

Данный файл содержит текст статьи:

Гуров Н. В. Индийские языки в «Словаре Екатерины II» // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Санкт-Петербург). М.: Институт востоковедения РАН, 2000. С. 149–175.

Статья представлена в двух вариантах:

- 1) заново вычитанный текст с исправлением опечаток и иных технических неточностей;
- 2) сканированная копия публикации с авторскими пометками на полях.

Текст в первом варианте разбит на строки в строгом соответствии с опубликованным вариантом.

Работа выполнена в 2021 г. А. В. Зориным (ИВР РАН) по инициативе и под редакцией Я. В. Василькова (МАЭ РАН).

ИНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В «СЛОВАРЕ ЕКАТЕРИНЫ II»

1. В начале января 1787 г. в Петербурге, в типографии Шнорра был отпечатан объемистый (411 стр., 4°) том, озаглавленный «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение Первое, содержащее в себе Европейские и Азиатские языки. Часть Первая». Вторая часть «Словаря» вышла в свет двумя годами позже, — 1789 г.¹

Открывающее первый том «Предисловие от издателя» подписано академиком Императорской Академии Наук П. С. Палласом. Определяя назначение «Словаря», Паллас пишет: «Искусные в знании языков усмотрят сами, что в сем сочинении наблюдаемо было сколь можно, чтоб показать приметное сродство различных наречий». Еще ранее рассылая европейским ученым свое «Обращение» («Avis au public», 1785) и «Модель словаря, сравнению всех языков служить долженствующего» («Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues», 1786), Паллас указывал что это «обширное предприятие» должно привести в конечном итоге к решению вопроса о существовании «одного первобытного языка»². Иными словами, создатели «Словаря» намеревались — не больше, не меньше, — не только создать всеобщую генеалогическую классификацию языков мира, но и подойти непосредственно к решению основных проблем глоттогенеза!..

Великим задачам, поставленным перед такого рода «предприятием», отвечал и сам состав «Словаря», и его структура. В основу был положен список из 285 русских слов, по своему значению относящихся к тому глубинному пласту лексики, в котором еще Расмус Раск видел «основу языка»³ и который в работах современных лингвистов именуется «внутренним словарем» или «основным словарным фондом».

Никита Владимирович Гуров, заведующий кафедрой индийской филологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, доцент, кандидат филологических наук.

Список открывался словами «Бог» и «небо». За этими терминами следовали термины родства и половозрастные наименования («отец», «мать», «дочь», «сын», «муж», «жена», «дева», «мальчик», «дитя»), названия частей тела и внутренних органов человека («голова», «лицо», «рот», «брюхо», «спина», «колени», «сердце» и др.); названия основных физиологических ощущений («слух», «зрение», «вкус», «обоняние», «осязание», «пить», «есть»); космических и атмосферных явлений («солнце», «луна», «звезды», «ветер», «вихорь», «дождь», «снег», «лед»); времен года и частей суток («лето», «осень», «день», «вечер» и т. д.); элементов ландшафта («море», «река», «гора», «холм» и др.); растений и животных («дерево», «дуб», «трава», «зелень», «рожь», «овес», «конь», «бык», «корова», «собака», «птица», «рыба» и др.); орудий труда и предметов домашнего обихода («соха», «борона», «топор», «очаг», «кадь», «мера»). Завершали список названия цветов и качественных характеристик («белый», «черный», «зеленый», «красный», «молод», «стар», «тихо», «живо» и др.), личные местоимения 1–3 лица, вопросительные местоимения и местоименные наречия («что?», «где?», «когда?», «как?»), а также, — в особом разделе «Числа европейских и азиатских языков», помещенном в конце второго тома, — количественные числительные (первого десятка, «сто», «тысяча»).

Весь этот список, — полностью или частично, — воспроизводится на 200 языках Европы и Азии. Во втором издании, вышедшем в 1790–1791 гг. под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево⁴ число представленных в «Словаре» языков возрастает до 272, — за счет нескольких десятков языков Африки⁵, Северной и Южной Америки. Состав «языков и наречий», включенных в «Словарь» Палласа, для своего времени оказывается исключительно репрезентативным. В терминах современной генеалогической классификации в «Словаре» оказываются представлены:

1) индоевропейские языки Европы и Азии: славянские («по-славянски», «по-иллирийски», «по-польски», «по-богемски», «по-кашубски» и др.); романские (включая румынский, — «по-волошски»); германские (в том числе, — «по-жидовски»); кельтские («по-бретански», «по-ирландски», «по-валски», «по-корнвалски» и др.); балтийские («по-литовски», «по-латвийски»); греческий язык («по-еллински», «по-новогречески»); албанский язык; армянский язык; иранские, — живые («по-персидски», «по-авгански», «по-курдски», «по-оссетски», «по-дугорски») и «мертвые» («по-старо-персидски», «по-пелльски»); индоарийские (см. ниже);

2) финно-угорские и самодийские языки («по-венгерски», «по-чюхонски», «по-эстляндски», «по-зырянски», «по-пермски», «по-вогульски», «по-самоядски» и др.);

3) семитские языки («по-еврейски», «по-арабски», «по-халдейски», «по-мальтийски», «по-сирийски», «по-коптически в Египте», «по-ассирийски»);

4) тюркские языки («по-турецки», «по-татарски», «по-башкирски», «по-киргизски», «по-трухменски», «по-якутски» и др.);

5) монгольские языки («по-монгольски», «по-брацки», «по-калмыцки» и др.);

6) картвельские языки («по-карталински», «по-имиретински», «по-суанетски»);

7) нахско-дагсстанские и другие языки Северного Кавказа («по-аварски», «по-чеченски», «по-ингушевски», «по-лезгински» и др.);

8) палеоазиатские языки («по-чюкоцки», «по-камчадалски»);

9) тунгусо-манчжурские языки («по-тунгуски», «по-ламутски»);

10) енисейские языки («по-пумпокольски» и др.);

11) сино-тибетские языки («по-китайски», «по-тангутски», «по-тонкински», «по-бомански», «по-сиамски» и др.);

12) аустронезийские языки («по-малайски», «по-явански», «по-тагалански» и др.);

13) дравидийские языки (см. ниже);

14) языки островов Тихого океана («на Маркезианских островах», «на Островах Сандвича»);

15) языки аборигенов Северной и Южной Америки («по-ирокезски», «по-суацки в западных областях Северной Америки», «по-делаварски», «по-перуевски», «по-аравакски» и др.);

16) языки Африки («по-вавуски в Африке», «по-хойсански» и др.).

Из языков-изолятов в «Словаре» представлены баскский («по-басконски»), японский и корейский.

Собирался этот материал из различных источников — словарей и грамматик; печатных «путешественных описаний»; полевых записей, сделанных в 1720–1770-х гг. экспедициями Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. И. Лепехина и др.; наконец — специальных глоссариев, составленных по просьбе петербургской Академии Наук ее зарубежными корреспондентами,

П. С. Паллас мог с полным основанием констатировать в своем «Предисловии от издателя», что «языки и наречия, во всех частях света употребляемые, никогда... в таком множестве в виде словаря еще не существовали». Действительно, петербургский «Словарь» — как по количеству сравниваемых языков, так и по их лингво-географическому разнообразию, — на общем фоне языковедческой литературы того времени представляется явлением вполне уникальным. Его ближайший аналог — «Каталог языков известных народов мира...», созданный примерно в те

же годы испанским миссионером Лоренсо Эрвасом-и-Пандуро, — значительно уступает словарю Палласа в обоих отношениях.

2, Великие географические открытия XVI–XVII вв. кардинально изменили представления европейцев о качественном и количественном многообразии языков мира. Свойственное мышлению «эпохи Просвещения» стремление к некоей целостной, гармонической, рационально обоснованной картине мира естественным образом привело философов и лингвистов к логическому выводу о необходимости, во-первых, решить проблему происхождения человеческого языка и, во-вторых, — создать единую систему генеалогической классификации «всех языков и наречий».

Сформулированные еще в начале века в работах Г. Х. Лейбница, эти проблемы оставались в центре внимания европейских ученых — лингвистов, историков, философов, — вплоть до конца XVIII столетия. Над происхождением человеческого языка и возникновением различных языков мира размышляли такие «властители дум и чувств» просвещенной Европы, как Вольтер, Руссо, Гердер. При этом методика решения этих задач большинству авторов представлялась предельно простой: стоит только собрать из возможно большего количества языков мира как можно больше слов, одинаковых или близких по значению, сравнить их между собой, и... Одним словом, появление словаря, подобного «Словарю» Палласа, на общем фоне европейской науки того времени представляется вполне естественным.

В ученых кругах Петербурга идея создания «Словаря» вынашивалась давно, по крайней мере с начала 1770-х гг. Еще в 1773 г. Г. Л. Х. Бакмейстер, известный библиограф и филолог, инспектор Академической Гимназии, разослал по всем европейским столицам и российским губерниям «Объявление и Прошение, касающееся до собрания в различных языках примеров»⁶. Известно, что материалы, собранные Бакмейстером за десять лет, широко использовались в период подготовки «Словаря»⁷. Можно, однако, с уверенностью сказать, что ни Бакмейстеру, ни Палласу, ни всей Императорской Академии Наук в целом, не удалось бы осуществить столь грандиозный проект, если бы... Если бы не было своевременного вмешательства «Всевысочайшей десницы».

2.1. В «Предисловии» Палласа мы читаем: «Ея Императорское Величество Сама благоволила трудиться в произведении сего наук приращения... Всеобъемлющий Ея разум при толь многих и важных делах обращен был и на сравнения языков всех на земле обитающих народов».

Слова Палласа кажутся на первый взгляд вполне обычным для той эпохи проявлением верноподданнических чувств. Можно подумать, что он, в благодарность за помощь и поддержку, решил украсить свой труд монаршим именем, или, выражаясь современным языком, «взял императ-

рицу в соавторы». При более внимательном рассмотрении оказывается, однако, что дело обстоит гораздо сложнее. В письме одному из своих постоянных корреспондентов, доктору Циммерману, от 9 мая 1785 г. императрица сообщает: «Ваше письмо извлекло меня из уединения, в которое я девять месяцев была погружена... Вы не отгадаете, в чем состояло мое занятие... Я составила реестр от двух до трех сот коренных русских слов, которые велела перевести на столько языков и наречий, сколько могла найти: их уже более двухсот... Я призвала к себе профессора Палласа и, сознавшись в своем прегрешении, согласилась с ним напечатать сии полезные переводы... Для этой цели ожидаются только некоторые наречия восточной Сибири»⁸.

В этом своем письме Екатерина, — как обычно, — слегка кокетничает, слегка «беллетризует» факты, но в целом, — и это подтверждают документы, — говорит правду: инициатива работы над «Словарем» принадлежит действительно ей.

Непосредственным толчком к этому, по мнению Я. К. Грота, послужило знакомство императрицы с многотомным сочинением французского писателя Антуана Кур де Жебелена «Мир первобытный в сопоставлении с миром сегодняшним» (*Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne*. P., 1773–1784), в котором автор рассуждает о происхождении языка, горячо отстаивая модную в то время идею моногенеза языков мира⁹. Екатерина, которая, по отзывам современников, всю свою жизнь отличалась поразительной, — даже для «энциклопедического» XVIII в., — широтой интересов и способностью сочетать казалось бы совершенно не сочетаемые роды деятельности и знаний, не только увлеклась этими языковедческими теориями, но и пожелала немедленно проверить их на практике.

По ее приказанию, — впервые в истории российской науки и культуры, — чисто лингвистический проект получает статус официального мероприятия. Список языков по личной просьбе императрицы уточняет берлинский профессор Х. Ф. Николаи. Исправленный Николаи «реестр» рассылается по правительственным каналам по всему миру. К сбору материалов привлекаются отечественные губернаторы и наместники, российские послы и посланники (которым это вменялось в обязанность формальным указанием вице-канцлера А. А. Безбородко), российские сановники «на покое» (например, экс-президент Академии Наук граф К. Г. Разумовский) и «знатные иностранцы» (в их числе — маркиз Лафайет и президент Северо-Американских штатов Джордж Вашингтон). Работа над проектом, — как это нередко случалось и случается у нас до сих пор, — осуществлялась в сугубо авральном порядке. П. С. Паллас перед самой смертью, в 1811 г., писал Ф. П. Аделунгу: «Я... должен был спешить

с изданием, чтобы не слишком раздражать нетерпение, с каким ожидали каждого нового листа из типографии»¹⁰.

Причины такого живого и действенного интереса «Великой Премудрой Матери Отечества» к столь, казалось бы, далеким от реальной действительности проблемам гуманитарных наук на первый взгляд кажутся непонятными. Кое-что становится ясным из — пусть даже самого общего и поверхностного — анализа исторического контекста. История правления Екатерины II свидетельствует о том, что именно в середине 1780-х гг. деятельность императрицы — в самых разных направлениях и сферах — достигает своеобразного «пика активности». За пять лет, с 1782 г. по 1787 г., в России, одно за другим, происходят знаменательные события, оставившие в жизни русского общества глубокий и долговременный след. В эти годы осваиваются вновь приобретенные территории на юге империи, — Новороссия, Крым, Кубань (Севастополь был основан в 1783 г., Владикавказ — в 1784 г.); создается Черноморский флот; определяется правовой статус дворянства и городских обывателей («Жалованная грамота дворянству» и «Грамота о правах и выгодах городов», 1785 г.); основывается (1783 г.) Российская Академия, перед которой ставится задача — создать полноценный словарь русского языка (издан в 1789 г.); начинается школьная реформа; заключается Георгиевский трактат с Грузией (1783) и ведутся переговоры о заключении торгового договора с Францией. «Деятельность Екатерины была по истине беспредельна», — писал граф Л.-Ф. Сегюр, занимавший в этот период пост французского посла при российском дворе¹¹.

Информация обо всех этих свершениях немедленно, — насколько это было возможно в то время, — распространялась по всему миру. За этим строго следили и сама императрица, и ее сподвижники. Екатерина стремилась создать в сознании мирового сообщества новый образ России, — государства, наделенного, подобно великим империям прошлого, особым статусом, превосходящего все прочие по территории и населению, обладающего сокрушительной военной мощью и, вместе с тем, находящегося на самом высоком уровне современного просвещения. Создание такого «имиджа» было необходимо для осуществления далеко идущих геополитических планов, вынашивавшихся в Петербурге. Показать миру во всей красе обновленное лицо России должно было знаменитое «путешествие в Тавриду», совершенное в 1787 г.¹²

Создание «Словаря всех языков и наречий» отлично вписывалось в эту схему и, судя по всему, имело к ней самое непосредственное отношение. Неоднократно цитировавшееся в нашей работе «Предисловие от издателя» начинается следующими, весьма знаменательными словами: «Между известными н истории Государствами нет ни единого на свете,

которое бы, как по величине своей, так и по различию обитающих в нем народов и языков, могло бы хоть некоторым образом сравниться с Российской Империей, выключая разве преубывшей Римской Монархии, но и сия, если сравнить обстоятельнее уступить должна. ...Ни от какого, следовательно, Государства нельзя столько надеяться пособий и объяснений для Истории народов и знания языков, как от России». Нельзя считать случайным и тот, отмеченный еще Я.К. Гротом, факт, что первый том «Словаря» «был поднесен Императрице накануне отъезда в Крым, 6 января 1787 г.»¹³.

2.2. Отзывы и рецензии, появившиеся после выхода «Словаря», в 1790 – нач. 1800 гг., в европейской научной печати, в основном оценивают петербургский проект вполне благожелательно¹⁴. Более того, можно сказать, что выход «Словаря» послужил толчком к дальнейшим работам по сопоставлению «языков и наречий» и разработке их классификации. Ссылаясь на петербургский опыт, И. Х. Аделунг публикует в 1806–1817 гг. свой четырехтомный труд «Митридат, или всеобщее языкознание» (*Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde*), где в качестве исходного языкового материала используются уже не отдельные слова, но и тексты (текст Молитвы Господней на 500 языках), а сопоставление языков осуществляется не только на лексическом, но и на грамматическом уровне.

Вскоре, однако, отношение ученых-лингвистов к «Словарю» Палласа кардинально меняется. После возникновения в первые десятилетия XIX века сравнительно-исторического языкознания стала очевидна полная бесперспективность методики и идеологии, которой пользовались создатели «Словаря», для достижения избранной ими цели. К «Словарю» стали относиться как к некоему научному курьезу, — вроде ученых трудов XVIII в., написанных с позиций модной тогда «теории флогистона». (В таком ключе «Словарь» рассматривается, в частности, в «Очерке истории языкознания в России» С. К. Булича.)

Сдержанно-критическое отношение к «Словарю» Палласа, усвоенное учеными XIX – нач. XX вв., было связано не только с изъянами его общеметодологической основы, но и с конкретными недостатками в подаче языкового материала. Писавшие о «Словаре» отмечали отдельные неточности в наименовании языков и наречий: указывали на то, что в «Словаре» «на равных правах» с языками включены не только территориальные диалекты («по-неаполитански» — наряду с «по-итальянски»), но и некоторые жаргоны (например, «язык» владимирских «офеней» — «по-суздальски»); оспаривали правильность перевода отдельных слов и терминов и т. д. Указывалось также на неадекватность передачи звуковой системы различных языков в принятой в «Словаре» транскрипции. Составители «Словаря», исходя из того, что «для показания точного произ-

ношения всех сих языков нет лучше и способнее всех Европейских азбук, как Российская», попытались передать фонетические особенности всех языков мира средствами русского письма и руководствуясь правилами русской орфографии. Диакритика не применялась; единственное исключение, — графема Г г, обозначающая фарингальный (и/или заднеязычный) звонкий щелевой.

Все эти упреки во многих случаях нельзя признать вполне справедливыми. Сейчас нам ясно, что конкретные недостатки «Словаря», — так же, как и его методологическая основа, — связаны в основном с характерным для той эпохи общим уровнем развития языковедческой науки и имевшимся в распоряжении ученых объемом информации о языках мира¹⁵. И все же С. К. Булич, отмечавший в своем «Очерке», что работа над «Словарем» иногда «носила характер скороспелости и необдуманности»¹⁶, был во многом прав. При внимательном изучении словарного материала кажется, например, совершенно непонятным, почему среди представленных в «Словаре» языков имеются такие языки, как «делаварский» или «аравакский», но нет амхарского (эфиопского), известного европейцам с XVI в.? Почему составители — ученые академической школы, воспитанные в духе строжайшей аккуратности во всем, что касается исследуемого материала, временами путаются в нем, помещая, например, под рубрикой «сингалский» числительные подозрительно схожие с корейскими?¹⁷ Почему в «индостанском» языке, распространенном, по словам составителей, на Декане, встречаются слова, явно попавшие туда из другого, «бенгальского» списка? Такие вопросы возникают весьма нередко.

Причину всех этих несообразностей следует видеть, очевидно, в том «нетерпении» Высочайшего соавтора, на которое через двадцать пять лет жаловался в своем письме Паллас. Вмешательство «Высочайшей десницы» открывало перед «Словарем» зеленую улицу и вместе с тем лишало Палласа и его сотрудников возможности должным образом проверить языковой материал или еще больше расширить список языков. Величие и грандиозность замысла, судя по отзывам современников, сочетались с торопливой небрежностью исполнения во многих проектах Екатерины³⁸. «Сравнительный словарь языков и наречий» просто не стал исключением.

Недостатки «Словаря», действительные и мнимые, — несомненно затрудняют его использование в историко-типологических исследованиях (при этом неизбежно возникают проблемы с идентификацией некоторых языков и диалектов, фонетической и семантической идентификацией отдельных слов и т. д.), но ни в коей мере не лишают его непреходящей научной ценности. Нужно помнить, что значительная часть представленного в «Словаре» языкового материала была получена в результате «по-

левых записей» непосредственно от информантов-носителей и, таким образом, фиксирует живую разговорную речь на достаточно удаленном от нас синхронном срезе (прибл. середина / вторая половина XVIII в.). Нужно помнить также, что большинство языков, включенных в «Словарь» Палласа, были (во всяком случае в тот период!) бесписьменными, причем некоторые из них (такие как аринский, пумпокольский и другие енисейские языки) с того времени полностью исчезли, а иные стали систематически изучаться лишь столетие спустя.

К материалам «Словаря» обращались многие ученые, занимающиеся реконструкцией исторического прошлого как отдельных языков (например, венгерского)¹⁹, так и целых языковых семей (таких, как енисейская семья языков)²⁰. В нашей работе мы хотели бы рассмотреть (прежде всего — в плане идентификации и возможного определения источников) включенную в «Сравнительный словарь» лексику языков Индийского субконтинента²¹.

3. Языки Южной Азии представлены в «Словаре» Палласа под следующими наименованиями: 167 «по-индейски в Мултане»; 168. «по-индостански в Бенгале»; 169, «по-индостански в Декане»; 172. «по-самшкрутански»; 173. «по-балабандски» (в разделе «Числа» — по-валабандски); 173. «по-сингальски»; 176. «по-канарски»; 177, «по-малабарски»; 178. «по-тамульски»; 179. «по-варугжски». (В разделе «Числа» этот список дополняется непальским языком «по-непальски»)²².

Об источниках обретения индийского языкового материала говорится очень скупо. В «Предисловии» сообщается только: «Между Индейскими наречиями Мултанское собрано от живущих в Астрахани Индийцев, Бенгальское и Деканское получены из Англии, последнее от Губернатора Голвелла». О том, как попала в «Словарь» лексика «самшкрутанского», «балабандского» и прочих языков, не говорится ни слова.

По своему объему ни один индийский глоссарий не покрывает полностью лежащего в основе «Словаря» «реестра». Пробелы встречаются даже в полных списках, — «мультанском» (275 слов из 283), «деканском» (262 слова) и «бенгальском» (249 слов), В большинстве же случаев индийские глоссы охватывают примерно от 8 до 18% словника: так, «самшкрутанский» список насчитывает всего 42 слова, «балабандский» — 37 слов, «сингальский» — 22, «канарский» — 24, «малабарский» — 24²³, «тамульский» — 54 и «варугжский» — 28 слов.

Если судить по названиям представленных в «Словаре» языков Южной Азии, то в «мультанском», «индостанском в Декане» и «в Бенгале», «самшкрутанском», «сингальском» и «непальском» можно предполагать некие языки индоарийской группы, а в «канарском», «малабарском», «тамульском» и «варугжском» — дравидийские языки Южной Ин-

дии (соответственно, — каннада, малаялам, тамильский и телугу; название «варужжский» восходит к там. vaṭuku «страна Андхра; язык телугу», из vata «северный»). Однако зачастую наличие названия само по себе не говорит еще ни о чем. Во-первых, многие из этих лингвонимов не соответствуют общепринятой сейчас научной номенклатуре. (С. К. Булич с удивлением отмечал появление в «Словаре» «какого-то балабандского или валабандского языка», недоумевая, «что за новоиндийский язык размели под ним составители»²⁴). Во-вторых, как выясняется, название далеко не всегда соответствует содержанию: беглого просмотра достаточно для того, чтобы убедиться в том, что между «индостанским в Бенгале» и доподлинным бенгальским языком оказывается весьма немного общего.

Вопрос о том, какие именно индийские языки представлены в «Словаре», после работы С. К. Булича в индологической литературе специально не рассматривался. Между тем, индийские материалы «Словаря» — это можно утверждать почти с уверенностью — в отличие от многих других «азиатических» и африканских языков, не заимствованы из более ранних печатных или письменных источников (двуязычных индийских словарей в то время практически не было²⁵), а получены непосредственно от информаторов и, следовательно, передают разговорную речь индийцев в том виде, в каком она существовала двести с лишним лет тому назад. Ценность такого — пусть и сравнительно небольшого по объему — источника для истории новоиндийских языков очевидна.

В то же время попытки отождествления встречающихся в «Словаре» «индейских слов» с их реальными прототипами (и, соответственно, идентификации языков и наречий) наталкиваются на серьезные трудности, связанные прежде всего с принятой составителями практической транскрипцией. По вполне объективным причинам (о них шла речь выше) не могли найти четкого и последовательного отражения такие кардинальные характеристики фонетического строя новоиндийских языков, как противопоставление гласных по «долготе/краткости»; назализация гласных; аспирация смычных и аффрикат; наличие звонких аффрикат, отсутствующих в русском языке; противопоставление дентальных и ретрофлексных и т. д. Все эти явления отмечаются лишь спорадически и неоднозначно.

Идентификация индийских слов еще более затрудняется в тех случаях, когда одна система транскрипции накладывается на другую, столь же несовершенную. В списках слов, присланных в Петербург от «Губернатора Голвелла» и других англоязычных респондентов, индийские слова транскрибировались в соответствии с правилами английской орфографии. Краткое новоиндийское [a] (например, в словах palak «веко», larkā «мальчик» или baras «год») отождествлялось с английским [ʌ] и изображалось па письме соответственным образом, — так, как оно писалось в

английских словах cut, hut и т. д. — pulluck, lurka, burrus. В Петербурге эти слова транскрибировались уже в соответствии с правилами латинской (и/или немецкой) орфографии. В результате мы находим в «Словаре» «бенгальские» *Лурка*, *Пуллу́к* или «деканское» *Буррусь*. В некоторых случаях под влиянием немецкой орфоэпии интервокальное -s- читалось и передавалось по-русски как -з-, а звонкий аффрикат j [dz] — как немецкий «йот». После такого «перекодирования» фонетический облик слова менялся иногда до неузнаваемости, и если в «самшкрутском» *Назикамъ* еще можно распознать «исходное» pasikam, то углядеть в «бенгальском» *Юаль* «вода» прототип jaI оказывается довольно затруднительным.

И все же, несмотря на все эти несообразности» можно утверждать, что индийский материал «Словаря» Палласа вполне поддается лингвистической идентификации.

3.1. Тот факт, что «от живущих в Астрахани Индейцов» П. С. Паллас записал образцы именно «мултанского» наречия, представляется вполне закономерным. Именно Мултан, по данным историков, на протяжении нескольких столетий (по крайней мере — с XIV–XV вв.)²⁶ был главным центром внешней торговли, связывавшим Индию с Центральной Азией, Кавказом, а затем — и с Россией. Мултанские купцы составляли большинство населения индийской колонии в Астрахани в XVII–XVIII вв. По свидетельству Палласа, многие из астраханских индейцев называли себя выходцами из «Мултанистана»²⁷.

Попытка лингвистической идентификации образцов языка «астраханских Индейцев», записанных П. С. Палласом, наталкивается на определенные трудности. Термин «мултани» в индологической литературе относится к диалекту, распространенному на западных окраинах области Пенджаб (в окрестностях Мултана, Бахавальпура и Дерагазихана) и — частично — на сопредельных территориях (район Пешавара; отдельные районы Белуджистана и Синда). Наряду с другими близкими к нему «наречиями» (шахпури-джатки, дханни, гхеби, чибхали, хиндки, аванкари и др.), мултани входит в группу диалектов, известных под названием «западнопенджабские», или «лахнда» («ленди»²⁸). Трудности в идентификации словарного материала связаны прежде всего с относительно слабой изученностью западнопенджабских диалектов. (Ни словарей, ни обстоятельных грамматик большинства из них до сих пор просто не существует.) Кроме того, нужно помнить, что население такого крупного торгового центра, как Мултан в XVIII веке, было, скорее всего, многоязычным и поэтому в «список Палласа» могли попасть слова, относящиеся к разным диалектам и разным языкам.

Анализ «списка Палласа» (составленного — не в пример многим другим глоссариям, отраженным в «Словаре», — с большой тщатель-

стью и аккуратностью) четко указывает на западнопанджабскую соотнесенность «мултанских» глосс. Специфические характеристики, отличающие языки и диалекты этой группы от других новых индоарийских (НИА) языков, проявляются уже в особенностях их фонетического состава и структуры²⁹. «Список Палласа» фиксирует, например, такие характерные только для «группы лахнда» явления, как спонтанная аспирация перед начальным гласным (*зекъ* «один» ~ л. (мулт.) hekk, hikk; ср. х., б., м., гудж. и др. ек); сохранение древнеиндийского начального *v-, во многих других НИА переходящего — полностью или частично — в b- (*Валь* «волос» ~ л. vāl «волосы»; ср. с. vāgu; пандж. vāl, bāl, х. bāl «волосы» и др.); сохранение в начале слова «исходных» сочетаний типа «смычный + сонант» (*Трай* «три» ~ л. trai, traе; ср. пандж. tinn; х., м. tin; ас., б. tīnī и др., ср. также ниже *Тремель*); переход древнеиндийского *śtī- в si- (*Сирамжи* «Бог» — очевидно, из śtī rām jī; ср. л. śīrh «водопад» < śīrdhī «лестница») и т.д.

Принадлежность языка астраханских «мултанов» к западнопанджабской группе диалектов подтверждается и той — к сожалению, скудной и фрагментарной — информацией морфологического характера, которая, тем не менее, может быть почерпнута из «Словаря». В некоторых глоссах словарного списка «скрываются» характерные для этих диалектов форманты множественного числа имени: -ā (*Наса* «ноздри» — ср. л. nās «ноздри», мн. ч. nās-ā; *Гелга* «щеки» — ср. л. (шахп.) galh, (мулт.) gallh «щека», мн. ч. gallh-ā), а также -ī/-ī (*Англи* «пальцы» — ср. л. (мулт.) angī «палец», мн. ч. angī; *Адми* «человек», *Адмигинь* «люди» — ср. л. (мулт., Дерагази-хан) ādmī «человек», мн. ч. admī)³⁰. В глагольно-именных формах того же списка (типа «зрение», «взять», «возить») явно прослеживаются все три отмеченных в грамматических описаниях «лахнда» варианта показателя инфинитива: -uṅ (*Деконь* «зрение», *Гавонь* «петь»), -aṅ (*Марань* «бить») и -pā (*Марна* «смерть»)³¹.

Приведенный в «Словаре» список личных местоимений 1–3 лица также вполне соответствует западнопанджабской системе. Так, «словарные» формы *Ме*, *Мен*, *Мемь* «я» отражают, по-видимому, л. mē, mē, mē «я» (все эти формы употребляются в значении как номинатива, так и эргатива), «словарное» *Мензигамь* «я», возможно, соответствует л. miḡhī «мне, меня» (дат.-вин. пад.). Аналогичным образом, «словарные» *Ту*, *Тю* передают характерные для мултанского диалекта формы номинатива 2 л. ед. ч. л. tū, tū «ты», в то время как *Темь* «ты» соответствует эргативу tā. Во множественном числе «словарные» *Аса* «мы» и *Туса* «вы» передают, соответственно, л. as(s)ā «мы» (ном.-эрг.) и tus(s)ā «вы»

(также ном.-эрг.). *Уго* и *Уно*, которым в «Словаре» приписываем значение «он», можно трактовать по аналогии характерными для шахпурского диалекта эмфатическими формами указательных местоимений дальнего плана: *ūh-ū* «именно тот» и *ūp-ū* «именно те, именно они»³².

Наконец, западнопанджабский след обнаруживается и в лексическом составе «списка». Многие «мултанские» глоссы находят четкие соответствия — как по форме, так и по значению — именно в лексике диалектов «лахнда» или в НИА языках, граничащих и контактирующих с ними. Таковы, например:

Вать «рот» ~ л. *vāt*, с. *vātu* «рот»;

Треметь «жена» ~ л. (мулт.) *tṛīmit*, *tremīt* «жена», ср. пандж. *tarīmat*;

Ала «голос» ~ л. (мулт.) *alā* «речь, крик»; потх. *ālā* «зов»;

Нендерь «сон» ~ л. (шахп.) *nindr*; (аван.) *nindur*; ср. х., б. *nīd*, *nīd*;

Ана «яйцо» ~ л. (шахп.) *ānā*; с. *anó*; ср. х. б. *āḡ*;

Вдя «велико» ~ л. *vaḍḍā*, *vaḍā* «большой»; ср. пандж. *baḍā*, *vaḍḍā*; х. *barā* «большой»;

Кандь «спина» ~ л. *kaṇḍ*; ср. х., м. *kāṭā* «позвоночник».

Подобных примеров можно привести еще не один десяток.

Точно определить диалектную принадлежность записанного П. С. Палласом говора — без привлечения дополнительных материалов — представляется довольно затруднительным. Больше всего сходжений — как в морфологическом, так и в лексическом плане — «Индийский в Мултани» обнаруживает с мултани, шахпури (джатки) и другими диалектами, относящимися по классификации К. Шэкла к языку сирайки. В то же время нельзя не отметить, что для некоторых глосс (таких, как *Гі* «сердце», *Валгю* «год») наиболее близкие аналоги обнаруживаются вообще за пределами западнопанджабских диалектов — в языке синдхи (см. с. *hio* «сердце», при л. *hā*, *haḡ*; с. *varhu* «год», при л. (мулт.) *varhā*, *varhē*). Сходными с синдхи оказываются не только знаменательные слова (*Магармачь* «кит» ~ с. *maṅgar-macho* «кит»), но и некоторые местоимения, например, *Угаги* «она», близко напоминающее эмфатическую форму местоимения синдхи *uhā-i* «именно она»³³. (В западнопанджабских диалектах местоимения 3-го лица по роду не различаются.) Значит ли это, что в «Словаре» нашел отражение говор, в чем-то близкий к такому диалекту языка сирайки, как «синдхский сирайки»³⁴?

Мултанский «список Палласа» требует дальнейшего (и притом — тщательного) изучения хотя бы уже потому, что он является едва ли не первым в индологической литературе глоссарием диалектов Западного Панджаба, научное исследование которых началось не ранее середины XIX в.

3.2. Названия «Индостанский в Бенгале» и «Индостанский в Декане» — мы уже говорили об этом — способны вести в заблуждение читателя, ожидающего найти под этими рубриками данные о бенгальском языке или языке дакхини (южном — «деканском» — варианте литературного урду). В действительности оба эти глоссария содержат лексико-грамматический материал, относящийся к так называемому «базарному хиндустани».

По мнению С. К. Чаттерджи, термин «хиндустани» («индостани») возник — как обозначение общиндийского делового и обиходного языка, созданного на основе диалектов западного хинди — не ранее конца XVII — начала XVIII вв.³⁵ «Базарным хиндустани» («базарным хинди») стали называть один из его наиболее распространенных вариантов — своего рода жаргон, служивший средством общения для выходцев из разных регионов Индии³⁶. По словам Чаттерджи, на этом языке говорили «на улицах и базарах, в мастерских и на складах, в военных городках и на верфях... от Карачи и Пешавара до Дибругарха и Читтагонга и от Сринагара и Бадринатха до Хайдарабада и Бангалура»³⁷.

Функциональная специфика «базарного хиндустани» сама по себе предопределила его «культурную отчужденность» от всякой письменной (тем более — литературной) формы. Не признававший ни географических границ, ни социальных барьеров, пренебрегавший всеми грамматическими и стилистическими нормами, этот язык должен был ограничиться в своем употреблении исключительно сферой устного общения. Он не отражен ни в одном индийском письменном источнике. Тем, что мы сейчас имеем хотя бы некоторое представление о живой речи индостанских базаров, мы обязаны исключительно первым европейским грамматикам и словарям, создававшимся в XVIII — начале XIX вв. в чисто практических целях. Большое значение этих работ — грамматик И. И. Кеттлера и Дж. Хэдли, словаря Дж. Фергюссона и — пожалуй, в особенности — грамматики нашего соотечественника Г. С. Лебедева³⁵ — для изучения истории языка хинди и характеристики языковой ситуации в Индии того периода признается в настоящее время как в отечественной, так и в мировой индологии. Материалы «Словаря» Палласа, однако, в этом плане до сих пор никак не учитывались.

Распространение хиндустани в разных регионах Индии естественным образом приводило к той или иной форме многоязычия. В результате хиндустани и «местные языки» вовлекались в процесс взаимной интерференции, причем характер и степень интерференции неизменно зависела от социального статуса языка-источника и языка-реципиента³⁹. Исследователи, занимавшиеся «базарным хиндустани» XVIII в., констатируют, что этот язык «...имеет много вариантов... причем на его лекси-

ке, фразеологии и грамматике сказывается влияние местных говоров»⁴⁰. Такое локальное влияние отмечается в той или иной степени во всех ранних грамматиках и словарях. Так, в грамматике И. И. Кеттлера, по мнению Чаттерджи, был описан «базарный хиндустани», характерный для Сурата и его окрестностей: вышедшая почти одновременно (1744–1745 гг.) грамматика Беньямина Шульце описывает язык, близкий (или идентичный) дакхини; «хиндустани», зафиксированный в словаре (и приложенной к нему грамматике) Дж. Фергюссона был в употреблении, скорее всего, в западных и юго-западных районах Бенгалии, на границе с Ориссой⁴¹. Наконец, грамматика Г. С. Лебедева донесла до нас — во всей его пестрой несообразности — живой язык калькуттских базаров, а точнее — целую совокупность говоров, использовавшихся в 1790-х гг. на рынках и улицах Калькутты⁴².

Именно такие локально окрашенные варианты базарного хиндустани были представлены в списках, присланных в Петербург «из Англии, от Губернатора Голвелла» и вошедших в «Словарь» под названиями «Индостанский в Декане» и «Индостанский в Бенгале». При этом, если «бенгальский» глоссарий оказывается в чем-то близок хиндустани, описанному Дж. Фергюссоном и Г. С. Лебедевым, то «Индостанский в Декане» в грамматической литературе XVIII в., по-видимому, вообще не имеет себе аналогов. Грамматические особенности «списка Голвелла» свидетельствуют о том, что на этом языке говорили индийцы, первым языком которых был маратхи или один из его диалектов.

Интерференция хинди (хиндустани) с бенгальским и маратхи прослеживается в обоих глоссариях на всех трех уровнях — фонетическом, грамматическом и лексическом, хотя следы фонетической интерференции — из-за несовершенства транскрипции — распознаются лишь в отдельных случаях и с немалым трудом. Характерные для бенгали (и других НИА языков восточной группы) фонетические особенности проявляются в «бенгальском» списке, например, в постоянной передаче краткого [a] хиндустани через русское о (=б. [o]): *Дордь* «боль» ~ х. dard; *Гола* «горло» ~ х. galā; *Ломба* «длина» ~ х. lambā «длинный» и т. д. С наличием однофокусного дентального аффриката [c] в маратхи связано, возможно, появление инициального ц- в таких словах «деканского» списка, как *Цабурь* «дурно» или *Цабунь* «худо».

Основным проявлением грамматической интерференции следует считать «смешение» одинаковых (или близких) по значению элементов грамматической системы языка-источника и языка-реципиента (в данном случае — хиндустани). Заимствованные из «источника» элементы либо заменяют свой аналог в хиндустани, либо употребляются наравне с ним. Это относится и к отдельным морфемам, и к таким «специфическим»

классам слов, как местоимения. Вот как выглядит представленная в «Словаре» система местоимений «бенгальского» и «деканского» списков:

«Индостанский в Бенгале». 1 л. ед. ч. («я»): *Гомь* ~ старобенг. haï, ст. авадхи haïm; мн. ч. («мы»): *Гумлодже* (=humlog^{e43}) ~ х. hamlog; *Гьямь* ~ х. ham (?); *Гамме* ~ х. (эмф.) hamī (?); 2 л. ед. ч. («ты»): *Ту* ~ х. tū; *Тумми* ~ б. tumi; ср. старобенг. tumhe, ор. tumbhi; мн. ч. («вы»): *Тумь* ~ х. tum; *Тумме* ~ х. (эмф.) tumhī; *Тэмь* ~ (?) ср. бходжпури tē, бундели taï «ты», майтхили tē/h sabh «вы»; 3 л. ед. ч. м. р. («он») *Онъ*, *Унь* ~ б. o, unī «тот»; ж. р. («она») *Уа'* ~ ?; мн. ч. («они») *Уэлodge* (=we loge) ~ х. ve log *Гуно* ~ (?) х. unhō («эрг.» п.); (дат. п. — «им») *Уска* ~ х. us kā.

«Индостанский в Декане». 1 л. ед. ч. («я»): *Гумь* ~ х. ham; *Гаумь* ~ (?) ст. авадхи haïm, брадж hāu, кон. hāu; мн. ч. («мы»): *Гумлогь* ~ х. hamlog; *Амми* ~ м. āmhi; ср. кон. āmī; 2 л. ед. ч. («ты»): *Тингь* (ошибочно вм. *Тунгь ?) ~ м. tū; *Туамь* ~ санскр. t(u)vam (!); мн. ч. («вы»): *Тумь* ~ х. tum; *Тумми* ~ м. tumhī, tumhī; кон. tummi; 3 л. ед. ч. м. р. («он»): *Уэ* ~ х. (почтит.) ve «он»; *То* ~ м. to; ж. р. («она») *Уэ* ~ х. ve «она» (почтит.); мн. ч. («они») *Уэлогь* ~ х. ve log; *Тя* ~ м. tyā (мн. ч. ж. р.); (дат. п. — «им») *Унько* ~ х. unko.

Аналогичное «смешение языков» отмечается и среди глагольных, включенных в состав обоих списков. Если форма глагола-связки «Есть (бывает)» и в «деканском» (*Гуе*), и в «бенгальском» (*Гей*) соответствуют стандартному хинди (hai, hue), то глагольно-именные формы маркируются разными по языковой принадлежности показателями. В «бенгальском» списке, наряду с глагольными формами, маркированными обычным для хинди (хиндустани) показателем инфинитива -pā (*Декна* «зрение» ~ х. dekhpā «видеть»; *Рона* «воплъ» ~ х. ropā «плакать»; *Марна* «бить» ~ х. mapnā; *Ленна* («братъ» ~ х. lepa и др.), встречается ряд инфинитивных форм, оканчивающихся характерным для бенгали формантом инфинитива -ā (*Сунга* «обоняние» ~ б. sūgā; *Курра* «делать» ~ б. karā). В «деканском» списке инфинитивные формы, оканчивающиеся показателем -на (х. -na) сравнительно редки (*Катна* «резать» ~ х. kāpnā; *Пьяр курна* «любить» ~ х. pyāg kapnā). Большинство же инфинитивных форм маркируются маратхским показателем инфинитива — pē, который в «Словаре» передается как *-не/нть* (*Пынные* «пить» м. piṇē, ср. х. piṇā; *Марне* «бить» ~ м. mapṇē, *Хаоне* «есть» ~ м. khāṇē, ср. х. khānā и т. д.). В некоторых случаях глагольные формы списка оканчиваются показателем -уе (*Пукауе* «варить» ~ х. pakānā; *Летуе* «лечь» ~ х. letnā «лежать»; *Ладжауе* «возить» ~ х. lājānā «(у)носить» и др.), в котором «угадывается» маратхский

формант $-(\bar{a})v\bar{e}$, образующий — в терминологии Б. И. Кузнецова — «отрицательный субстантив II»⁴⁴.

При этом можно почти с уверенностью сказать, что в данном случае интерференция языков осуществлялась именно на морфемном (грамматическом), а не лексическом уровне⁴⁵. В «базарный хиндустани» проникают именно бенгальские и маратхские морфемы — показатели инфинитивов — а не слова. Это видно из того, что в некоторых словах наших списков эти показатели присоединяются к той форме основы, которая характерна именно для хинди, а не для НИА языков южной или восточной группы. Примером таких гибридных образований могут служить «бенгальск.» *Сунга* «обоняние» (ср. х. $s\bar{u}gh-n\bar{a}$ «обонять»; б. $s\bar{u}g-\bar{a}$), «деканск.» *Чикнь* «вкус» (х. $s\bar{i}kh-n\bar{a}$ «пробовать»; м. $s\bar{a}kh-n\bar{e}$), *Бурне* «рост» (х. $b\bar{a}rhn\bar{a}$ «растить»; м. $v\bar{a}dh-n\bar{e}$) и др.

Общераспространенность и общедоступность «базарного хиндустани» могла иметь место лишь при максимальной простоте его грамматики (на это указывают все авторы, писавшие об этом языке). Тенденция к упрощению структуры, к ее семантической прозрачности проявлялась на всех уровнях, охватывая, в частности, синтетические и аналитические формы глагольного словообразования. В «бенгальском» и «деканском» списках мы находим, например, сложно-именные глаголы, в которых образующий глагол, определяющий залоговый статус сочетания в целом («делать», «быть» и др.), присоединяется — в нарушение общей для НИА языков модели — не к имени, а к основе некоего глагола. Так, в «бенгальском» списке, наряду с *Нйнь Курра* (= $n\bar{i}(d) kar\bar{a}$) «спать» (< б. $n\bar{i}d$ «сон»), встречается также *Кать Курра* «резать», где *Кать* представляет собой основу смыслового глагола, самостоятельного статуса не имеющую (ср. б. $k\bar{a}t\bar{a}$ «резать», х. $k\bar{a}t\bar{n}\bar{a}$)⁴⁶.

Лексический состав «Индостанского в Бенгале» и «Индостанского в Декане» в целом мало в чем отличается от других вариантов «базарного хиндустани», описанных в грамматиках Дж. Хэдли, Г. С. Лебедева и словаре Дж. Фергюссона⁴⁷. Ирано-арабские заимствования, составляющие около 30% слов, сочетаются в списках «Словаря» с общераспространенной новоиндийской лексикой и несколько неожиданными в этом контексте санскритизмами («бенгальск.» *Атмань* «воздух», «деканск.» *Удакь* «вода» и др.). Лишь отдельные «маратхизмы» и «бенгализмы», типа «деканск.» *Матте* «голова» (кон. $m\bar{a}the$, м. $m\bar{a}th\bar{a}$) или «бенгальск.» *Чуль* «волосы» (б. $s\bar{u}l$ «волосы, локоны») указывают на географическую соотнесенность этих вариантов.

3.3. Таинственный «балабандский» язык, приводивший в недоумение С. К. Булича, на поверку оказывается, судя по всему, одним из диалектов маратхи, в чем-то близким к конкани⁴⁸. Об этом свидетельствует прежде всего список «балабандских» местоимений (*Ми* «я» ~ м. mī; *Амзи* «мы» ~ м. āmhī, кон. āmī; *Ту*, *Тумь* «ты» ~ м.; кон. tū: tummi «вы» *Тамби*, *Тамги* «вы» ~ м. tumhī, tuhmī; ср., однако, гудж. tame; ор. tumbhi; *То* «он» ~ м. to; *Во* «они» ~ (?), ср. ст. марвари vo, u), а также некоторые числительные (*Дони* «два» ~ кон. dōnī, м. don; *Тини* «три» ~ кон. tīni, м. tin; *Шари* «четыре» ~ кон. syāri, м. cār; *Саза* «шесть» ~ м. sahā, кон. sā; *Сата* «семь» ~ кон. sāta, м. sat; *Даза* «десять» ~ м. dahā, кон. dah).

На близость «балабандского» к диалектам маратхи указывают и полнзначные слова — названия частей тела и животных в небольшом количестве попавшие в «Словарь» Палласа:

Дой «голова» ~ м. doi; *Доля* «глаз» ~ м. ḍolā «отверстие»; *Накке* «нос» ~ (?) ср. м. nākē «конец дороги, тупик»; ср. также х. nākā «узкий проход; игольное ушко»; согласно словарю Р. Л. Тэрнера (7037) < *nākka «выступающий, выдающийся; торчащий, как нос»; *Шибя* «язык» ~ кон. jīb(h)a, м. jībh; *Куттера* «собака» ~ м. kutrā; *Шели* «баран» ~ м. śeli «козел»; ср. х. chela. Не соответствует, однако, фонологическим характеристикам маратхи передача индоарийского начального gh- через русское к- в словах *Кере* «дом» и *Кода* «лошадь»⁴⁹.

Более точно идентифицировать «балабандский» язык в настоящее время не представляется возможным.

3.4. Из всех новоиндийских языков самым кратким и невыразительным списком представлен в «Словаре» сингальский. 4 слова из 12, значащихся под рубрикой «по-сингальски», — сравнительно поздние заимствования из санскрита, относящиеся к общеиндийской культурной лексике: *Девью* «Бог» (~ сн. devayā), *Путре* «сын» (~ сн. putrayā), *Сагудери* «сестра» (сн. sahodari), *Буми* «земля» (сн. bhumiya). Остальные — либо слова собственно сингальские, восходящие к так называемому «сингальскому пракриту», либо — заимствования из дравидийских и иных источников:

Азаза «небо» (~ сн. ahas, ākāsa); *Ира* «солнце» (сн. (h)ira); *Ганда* «месяц» (сн. hañda, sañda); *Миница* «человек» (сн. minisa, miniha); *Аппа* «отец» (сн. appā); *Олува* «человек» (сн. oluva); *Пае* «нога» (сн. paṇa, pa).

Все эти глоссы были взяты, по-видимому, из каких-то «путешественных описаний».

3.5. Список слов на языке, значащемся в «реестре» «Словаря» как «самшкрутанский», подвергался критике уже в первых рецензиях зарубежных ученых⁵⁰. С.К. Булич, подробно анализируя этот список в своем

очерке, отмечает, что санскритские слова представлены в нем «совсем неверно и с большими пробелами»⁵¹.

Список действительно поражает скудостью своего состава. В нем странным образом отсутствуют слова, встречающиеся практически в любом санскритском тексте и, следовательно, знакомые каждому, изучавшему санскрит. (В «Словаре» нет, например, таких слов, как «брат», «жена», «человек», «море», «гора», «огонь», «день», «ночь», «слово», «любовь» и даже — что уж совсем странно — «корова» и «бык».) Рецензенты вполне справедливо указывали также на многочисленные ошибки в переводе и подборе слов для списка.

Несостоятельность списка объясняется, по-видимому, тем, что составителям «Словаря» осталась недоступны даже те весьма немногочисленные европейские источники, в которых содержались какие-то сведения о древнеиндийском языке (в частности, сочинения португальских и голландских миссионеров, труды А. Кирхера и Р. де Нобили и др.). Им пришлось — прямо или через посредников — обратиться к помощи информанта, который явно не справился со своей задачей.

О том, что же это был за информант, можно в какой-то мере узнать по характеру ошибок, встречающихся в списке. Ошибки эти свидетельствуют о том, что «самшкрутанские» слова были сообщены неким индийцем, который когда-то изучал или начинал учить санскрит у «туземных» учителей⁵², но получил эти знания (или сохранил их) в очень ограниченных пределах. Именно поэтому информант беззастенчиво меняет санскритские слова на новоиндийские (ср., напр., *Питаце* «отец» ~ новоинд. *pitāji*; *Бағань* «сестра» ~ новоинд. *bahin*) или — столь же беззастенчиво — упрощает санскритскую грамматику, изменяя, например, имена деятеля на -ar по правилам тематического склонения *deva-* (*Питага* «отец» ~ «санскр.» *pitah*, вм. *pitā*)⁵³.

При этом некоторые грамматические «ошибки» информанта (и некоторые особенности его произношения) позволяют — хотя бы предположительно — судить о том, на каком индийском языке (или языках) говорил цитируемый в «Словаре» «самшкрутанец». С. К. Булич⁵⁴ отмечает, что в «Словаре» многие имена мужского рода приводятся почему-то в форме винительного, а не именительного падежа. Действительно, мы встречаем в «самшкрутанском» списке, напр. *Карнамъ* «ухо» (~ санскр. *karnam*), *Нетрамъ* «глаз» (~ *netram*), *Шванамъ* «собака» (~ *śvanam*), *Варāгамъ* «свинья» (~ *varāham*), *Ашувамъ* «лошадь» (~ *aśvam*), *Мариāламъ* «кот» (~ *marjaram*) и т. д. Все эти имена в санскритской грамматике относятся к мужскому роду и в номинативе имеют форму *karṇaḥ*, *netraḥ*, *śvā* и т. п.

Нам, однако, кажется, что дело здесь не в простой путанице падежей, а в том, что все эти имена — по своему значению названия либо неодушевленных предметов («глаз», «нога»), либо животных — воспринимались информантом как имена среднего рода и переводились, соответственно, в форме N. Sg. p. Такая классификация имен по категории рода могла быть свойственна в Индии прежде всего носителю одного из дравидийских языков, где к «мужскому» роду относятся лишь наименования взрослых мужчин, а также в какой-то мере — носителю маратхи, где средний род объединяет названия неодушевленных предметов, детенышей животных и т. д.⁵⁵ Если учесть к тому же, что в «самшкрутанских» глоссах *Дзаламь* «вода» и *Адзамь* «баран» (~ санскр. аја «козел») аффрикат -j- передается как -dz-, то есть трактуется как звонкий дентальный, предположение о том, что информант о «самшкрутанском» языке мог быть носителем каннада, телугу или маратхи, становится вполне вероятным. Именно в трех этих языках Декана отмечается противопоставление двух вариантов аффрикат — однофокусного дентального [ts, dz] и двухфокусного палатального [ç, j]⁵⁶.

Может быть, информация о «балабандском» и «самшкрутанском» была получена из одного и того же источника?

3.6. О представленных в «Словаре» глоссариях дравидийских языков нам уже случалось говорить вкратце в одной из наших прежних работ⁵⁷.

В отличие от НИА языков, дравидийский материал представлен в «Словаре» с достаточной степенью адекватности и в дополнительной идентификации не нуждается. Источники его пока не установлены. Скорее всего, ими служили различного рода «полевые записи», сделанные на месте европейскими путешественниками, миссионерами или чиновниками колониальной администрации.

Об этом свидетельствует, в частности, наличие в «Словаре» целого ряда слов, характерных для разговорного (а не литературного) тамильского языка, а также — диалектных форм в списке слов каннада и телугу. См., например, «тамульск.» *Панни* «свинья» (~ там. paṅṅi; ср. лит. paṅṅi); «тамульские» числительные *Онну* «один», *Ренду* «два», *Муну* «три», *Анчу* «пять» (~ там. oṅṅu, reṅṅu, muṅṅu, ancu; ср. лит. oṅṅu, iranṅu, muṅṅu, aĩntu); «канарск.» *Ганди* «свинья» (~ кан. диал. handi; ср. лит. pandi); «варужск.» *Тоньмиди* «девять» (~ тел. диал. tonmidi; ср. лит. tommidi); «тамульск.» Эрку «рот» (~ там. *eṅ(a)kku; ср. мал. iṅakkuka «проглатывать»; кодагу eṅang «глотать»).

Благодаря тщательно сделанным «полевым записям» в дравидийских глоссах «Словаря» — несмотря на несовершенство транскрипции, — иногда фиксируются такие особенности фонетики и фонологии южно-

дравидийских языков, которые не отражаются в силлабическом письме Южной Индии и могут быть восприняты только на слух. В «Словаре» отмечено, в частности, характерное для тамильского и телугу наличие нескольких вариантов произношения дравидийского с — ср., например, «тамульск.» *Сандринь* «месяц» (~ там. cantiram); *Чуриень* «солнце» (~ там. cūriyaṅ); *Поншади* «жена» (~ там. peṅcāti); «варужск.» *Сурияду* «солнце» (~ тел. suryudu); *Сей* «рука» (~ тел. sēyi, cēyi); *Шевуду* «ухо» (~ тел. sévulu, cevulu «уши»). Фиксируются и такие явления, как переднее произношение безударного тамильского -а-: «тамульск.» *Манушень* «человек» (~ там. maṅuṣaṅ); *Магэль* «дочь» (~ там. maḱal); характерное для тамильского и малайялам противопоставление глухих (напряженных) и звонких (ненапряженных) смычных в интервокальной позиции: «тамульск.» *Магень* «сын» (~ там. maḱaṅ); *Бугей* «дым» (~ там. puḱai); *Мука* «нос» (~ там. mūḱku); «тамульск.», «малабар.» *Наку* «язык» (~ там., мал. nāḱku). *Каду* «ухо» (~ там., мал. kātu); «тамульск.» *Кудерей* «лошадь» (~ там. kutirai) — ср. «тамульск.» *Патту* «десять»; альтернации гласных переднего и заднего ряда перед ретрофлексными и альвеолярными: «тамульск.» *Понбуллей* «дева» (~ там. peṅḱiḷḷai); *Поттана* «скоро» (ср. мал. *pattannu* «неожиданно, внезапно»; там. poṭṭa «внезапно»); *Вуду* «дом» (~ там. vūṭu); *Бира* «голубь» (~ там. piṅā; ср. мал. piḱavu); *Бишу* «червь» (~ там. piḱu; ср. конда piṅi «улитка») и т. д.

3.7. Отмечаемые в «Словаре» особенности транскрипции дравидийских слов (и — может быть, в меньшей степени — других языков Индии) наводят на мысль о том, что при подготовке «Словаря» роль его составителей не ограничивалась (как это было принято считать раньше) механической перепиской присланных из-за границы материалов. Есть основания считать, что в процессе подготовки списки индийских слов (по крайней мере — некоторые из них) были проверены «на слух» с информантами, носителями языков.

Иначе очень трудно объяснить, почему, например, южнодравидийское палатальное п и альвеолярное п регулярно передаются в «Словаре» русским диграфом нь, воспроизводящим действительно «похожее» палатализованное [н']. См., к примеру: «малабарск.» *Ньянь* «я» (~ мал. ṅāṅ); *Ньянгель*, *Ньянгать* «мы» (~ мал. ṅāṅḱā) «мы (инкл.)»; «тамульск.» *Нань* «я» (~ там. nāṅ); *Авень* «он» (~ avaṅ); *Сандринь* «месяц»; «малабарск.» *Тань* «вы» (~ мал. tāṅ «сам»; ср. tāṅḱā! «сами; вы (почтит.)»). Характерно также появление в «Словаре» таких дублетов, как «малабарск.» *Ньянгать*, *Ньянгель* «мы», *Нингать*, *Нингаль* «вы» (~ мал. ṅaiṅḱā), в которых ди-

графы -ль и -ть используются для передачи ретрофлексного -l. Все эти особенности транскрипции едва ли могут быть возведены к какому-либо источнику, написанному латиницей — хотя бы потому, что в европейских (романских и германских) языках «твердые» и «мягкие» согласные на фонемном уровне не различаются и противопоставления типа p:l, p:l или l:l должны были бы вызвать у слушателя-европейца совсем иные звуковые ассоциации.

Аналогичные следы непосредственного восприятия «на слух» можно усмотреть в транскрипции таких слов, как «бенгальск.» *Крань* «луч» (~ х. kīraṇ, kīriṇ) или *Фаать* «лист» (~ б. pāt, paṭi «лист, письмо»; х. pātī, paṭṭī); «деканск.» *Агь* «огонь» (х. диал. āgī; ст. м. āgī; ст. гудж. āgi) или *Суарь* «свинья». Можно указать также на довольно характерные колебания в передаче санскр. -m (анусвары), обозначающего, как известно, «лишенный смычки носовой призвук»⁵⁸. В словах «самшкрутанского» списка: анусвара здесь иногда передается как -мь (в таких словах, как *Нетрамь*, *Назикамь* «нос» и др.), но чаще — через диграф -мь (*Дзаламь*, *Ашувамь*, *Грагамь* «дом» и др.).

Выяснить, насколько справедливы эти предположения, мы сможем только тогда, когда, во-первых, будет проведен лингвистический анализ всех индийских глоссариев; во-вторых, когда мы будем более детально знать, как проходила работа над «Словарем», кто и в какой мере участвовал в обработке словарных данных, относящихся к языкам Южной Азии (до сих пор известны имена только двоих сотрудников П. С. Палласа — Г. Л. Хр. Бакмейстера и И. Г. Арндта). Знать же все это мы будем только после того, как будут изучены рукописные материалы из коллекций Палласа, Ф. П. Аделунга и А. М. Шёгрена, более двухсот лет хранящиеся в Публичной библиотеке и Архиве РАН.

4. Мы часто, по поводу и без повода, повторяем: «Nabent sua fata libelli» — «У книг своя судьба»... Судьба «Словаря» оказалась на редкость незадачливой — и не только из-за ущербности его научной методологии, о которой шла речь выше. Скорее даже — оттого, что «Словарь» Палласа был в то же самое время «Словарем Екатерины II». Задуманный как государственный проект, он претерпел участь многих российских проектов крупного масштаба: блестящий старт, потом — «некая загогулина» и наконец — вечный покой забвения на архивной полке.

То ли в силу изменившихся обстоятельств (едва ли нужно напоминать о различных событиях, произошедших в России и в мире в 1788–1791 гг.), то ли просто охладев к лингвистическим проблемам так же внезапно, как она прежде увлеклась ими, — Екатерина после выхода «Словаря» явно теряет к нему интерес. Так или иначе, второе издание (под редакцией

Ф. И. Янковича де Мириево) по повелению государыни не было выпущено в продажу и долгие годы хранилось на складах. (В первом издании «Словарь» был отпечатан ограниченным тиражом и предназначался лишь для библиотек и «для служебного пользования».) В результате «Словарь», получив некоторую известность в мировой науке, остался совершенно неизвестен русскому обществу. Ни одного отзыва о нем не появилось в русских журналах. Можно с уверенностью сказать, что в те годы о «Словаре» не знали толком даже самые образованные и эрудированные представители тогдашней интеллигенции — ни Новиков, ни Карамзин, ни Державин, ни всю жизнь мучившийся над филологическими загадками А. С. Шишков. Когда же, наконец, «Словарь» Янковича появился в книжных лавках — это случилось только в 1813 (!) году, — было уже поздно. За прошедшие с момента выхода книги два десятилетия коренным образом изменилась не только парадигма лингвистической науки, но и парадигма общественного сознания в целом, как в Европе, так и в России. Все относящееся к екатерининской эпохе казалось тогда далеким прошлым. «Словарь» просто остался незамеченным, как незамеченным осталось обращение Ф. П. Аделунга к Александру I с просьбой переиздать труд П. С. Палласа в расширенном и дополненном варианте⁵⁹. У Александра в 1815–1817 гг. были совсем другие интересы. У русского общества — тоже.

В нашей статье мы стремились показать, как много ценной информации — информации, относящейся и к истории отечественной науки, и к истории русско-индийских связей в конце XVIII в., и, наконец, к истории самого южноазиатского языкового ареала — можно извлечь из «Сравнительного словаря всех языков и наречий» и — несомненно — из относящихся к нему, до сих пор практически не изучавшихся архивных материалов. Нам кажется — настало время снять с незаслуженно забытого труда петербургских ученых совершенно несправедливо наложенную на него двести лет тому назад печать невостребованности.

¹ Титульный лист по-латыни: *Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa; Augustissima cura collecta. Sectionis Primae linguas Europae et Asiae complexae. Pars Prior. Petropoli, Typis Johannis Carolo Schnoor. MDCCLXXXVI.* (На русском титуле дата выхода — 1787.) История создания «Словаря» и его содержание подробно рассматриваются в работе С. К. Булича (С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. Т. I. XIII век – 1825 г. СПб., 1904, стр. 220–232, 496–510). Ср. также: F. Adelung. *Catherinins der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde/ St. Petersburg, 1815.* (На русском яз.: Извлечение из сочинения «Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языковедении. Б. м., б. г. [СПб., 1817].) Я. К. Грот. *Филологические занятия императрицы Екатерины II. М., 1875;*

Kommentare zur Peter Simon Pallas «Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa. Hrsg. von Harald Haarmann, Hamburg, 1975.

² См. Булич, цит. соч., стр. 226; ср. Грот, цит. соч., стр. 9–10.

³ Р. Раск. Исследования в области древнесеверного языка. Цит. по «Хрестоматии по истории языкознания XIX и XX вв.». М., 1956, стр. 38.

⁴ Сравнительный словарь всех языков и наречий, по алфавитному порядку расположенный. Ч. I—IV. СПб., 1790–1791.

⁵ Материалам африканских языков в «Словаре» посвящена специальная монография И. Фодора (J. Fodor. Pallas und andere afrikanische Vokabularien vor dem 19. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorschungsgeschichte. Hamburg, 1975.

⁶ Булич, Цит. соч., стр. 222–223; ср. Грот. Цит. соч., стр. 5. Свое «Обращение» с несколько измененной программой, — Бакмейстер повторил затем в 1784 г.

⁷ Булич, Цит. соч., стр. 224–225.

⁸ «Извлечение...», стр. 10–13; ср. Грот. Цит. соч., стр. 2, 9; Булич. Цит. соч., стр. 224.

⁹ Грот. Цит. соч., стр. 3–4; ср. Булич. Цит. соч., стр. 224.

¹⁰ Грот. Цит. соч., стр. 6.

¹¹ Л.-Ф. Сегюр. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. — Россия XVIII в. глазами иностранцев. Лениздат, 1989, стр. 323.

¹² Детальный анализ «идейного замысла» путешествия Екатерины дается в работе А. М. Панченко (А. М. Панченко. «Потемкинские деревни» как культурный миф. — XVIII век. Сб. 14. Л., «Наука», 1983, стр. 93–104.

¹³ Грот, Цит. соч., стр. 11.

¹⁴ Особо следовало отметить отзывы французского ориенталиста К. Вольнея и «патриарха славяноведения» И. Добровского. См. Булич. Цит. соч., стр. 228–230.

¹⁵ Созданная авторами «Словаря» на русской основе «практическая транскрипция» была, в сущности, ничем не хуже латинской «транскрипции», использовавшейся в работах европейских ученых. Научное исследование звуковой стороны языка с лингвистической точки зрения началось, как известно, лишь во второй половине XIX в.

¹⁶ Булич. Цит. соч., стр. 231.

¹⁷ Булич. Цит. соч., стр. 503.

¹⁸ Ср. отзывы иностранных участников «путешествия по Тавриде» о строительстве Херсона, Черноморском флоте и т. д. (См. А. М. Панченко. «Потемкинские деревни...», стр. 96–98). Даже искренне восхищавшийся Екатериной граф Сегюр признавался, что «многие ее предназначения были более смелы нежели обдуманы». (Сегюр. Цит. соч., стр. 434).

¹⁹ См. M. Fogarsi. Das ungarische Wortmaterial des Vokabularium von Pallas. — Magyar Nyelv. Bd. 52 (1956). P. Huido. Über die ungarischen Quellen des Vokabularium von Pallas. — Magyar Nyelv. Bd. 53 (1957).

²⁰ См. А. П. Дульзон. Словарные материалы по кетским наречиям. — Ученые записки Томского ГПИ. Т. XIX, вып. 2. Томск, 1961; В. Н. Топоров.

Из этимологии енисейских языков. — «Этимология 1965». М., «Наука», 1967.

²¹ Общая характеристика индийских материалов «Словаря» дана С. К. Буличем (Булич. Цит соч., стр. 499–504).

²² В списке языков составители «Словаря» непосредственно перед языками Индии помещают цыганский, причем — не случайно. В «Предисловии» говорится: «Поелику оне [цыганские слова, — Н. Г.] великое и ошутительное имеют сходство с Индейским языком, то и поставлены перед оным». Под номерами 170 и 171 за «индостанским в Декане» следуют «старо-персидский» и «пеелвский» («пехлевийский»?) языки. Трудно сказать, почему они занимают такую позицию (другие иранские языки — персидский, афганский, курдский и пр. — располагаются под номерами 76–80). Возможно, это объясняется тем, что в роли информантов выступали «парсы», заявлявшие себя выходцами из Индии. Еще труднее объяснить, почему между сингалским и «канарским» (канада) помещен под номером 175 корейский язык. Характерно, однако, что много лет спустя, в конце XIX — начале XX вв., некоторые ученые пытались генетически связать корейский с дравидийскими языками (см. K. Zvebil. Comparative Dravidian Phonology. The Hague: Mouton, 1970. P. 21).

²³ Из «малабарских» слов мы учитываем только те, которые действительно могут быть отнесены к языку малаялам. Помимо них, под рубрикой «по-малабарски» в «Словаре» приводится еще около двух десятков слов, явно принадлежащих какой-то разновидности «индостанского» (например, «спина» — *Пите*, «сердце» — *Диль*, «молоко» — *Дудь* и др.).

²⁴ С. К. Булич. Цит. соч., стр. 503–504.

²⁵ Исключение составляет словарь Дж. Фергюсона (J. Fergusson. A Dictionary of Hindustan Language. L., 1773), малоизвестный за пределами Англии.

²⁶ История Индии в средние века. М., 1968, стр. 415–416; P. M. Kemp. Bharat Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Mediaeval Times to the October Revolution. Delhi, 1958, pp. 87–89.

²⁷ P. M. Kemp. *Op. cit.*, p. 104.

²⁸ Термин «лахнда» был введен Дж. А. Грирсоном (Linguistic Survey of India. Vol. VIII, pt. I. Calcutta, 1910), доказывавшим, что все диалекты и говоры Западного Панджаба следует рассматривать как разновидности одного языка — лахнда, или ленди. Точка зрения Грирсона была оспорена в работах К. Шэкла, по мнению которого, западнопанджабские диалекты относятся по крайней мере к трем самостоятельным языкам — потхохири, хиндко и сирайки. Мултани в классификации Шэкла считается одним из диалектов последнего (C. Shackle. The Sirai Language of Central Pakistan. L., 1976). Сводку данных по этому вопросу см.: Г. А. Зограф. Языки Южной Азии. М., 1990, стр. 49–51.

²⁹ При сопоставлении данных НИА языков с данными «Словаря» Палласа мы использовали (помимо двуязычных словарей) сравнительный словарь Р. Л. Тэрнера (R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-

Aryan Languages L., 1962–1966). Принятые сокращения названий языков: ас. — ассамский, б. — бенгальский, г. — гуджарати, кан. — каннада, кон. — конкани, л. — «лахнда» (мулт. — мултанский, шахп. — шахпурский, аван. — аванкари и др.), м. — маратхи, мал. — малайлам, неп. — непальский, ор. — ория, пандж. — панджаби, с. — синдхи, там. — тамильский, тел. — телугу.

³⁰ Ю.А. Смирнов. Язык ленди. М., «Наука», 1970, стр. 55; ср. Г. А. Зограф. Языки Южной Азии. М., «Наука», 1990, стр. 49–50.

³¹ Смирнов. Цит соч., стр. 102.

³² Смирнов. Цит соч., стр. 91–92; ср. Г. А. Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., «Наука», 1976, стр. 159, 177–180.

³³ Р. П. Егорова. Язык синдхи. М., «Наука», 1966, стр. 43–44.

³⁴ О диалектном составе сирайки см.: Зограф. Языки..., стр. 50.

³⁵ S. K. Chatterji. Indo-Aryan and Hindi. Calcutta, 1960; русск. пер. С. К. Чаттерджи. Введение в индоарийское языкознание. М., ГРВЛ, 1977, стр. 169, 202.

³⁶ Чаттерджи. Цит соч., стр. 176–177; Г. А. Зограф. Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв. М., ИВЛ, стр. 10 сл.

³⁷ Чаттерджи. Цит соч., стр. 208, ср. стр. 162–163.

³⁸ J. J. Ketelaar. De lingua Hindustanica. – Davidis Millii, Dissertationis selectae Lugdunis Batavorum. 1743; J. Hadley. A Compendious Grammar of the Current Corrupt Dialect or Jargon of Hindostan (commonly called Moors), ... For the Use of the Bengal and Bombay Establishments. L., 1772; J. Fergusson. A Dictionary of the Hindostan Language. L., 1773; H. Lebedeff. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogues Affixed, Spoken in All Eastern Countries. Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System of the Shamskrit Language. L., 1801.

³⁹ U. Weinreich. Functional Aspects of Indian Bilingualism. – «Word», v. 13, № 2, 1975. В более общем плане эта проблема рассматривается в монографии У. Вайнрайх «Языковые контакты» (русск. пер. — У. Вайнрайх. Языковые контакты. Киев, 1979, стр. 31 сл.).

⁴⁰ Чаттерджи. Цит соч., стр. 176–177.

⁴¹ Зограф. Хиндустани..., стр. 7–8, 10–13.

⁴² О грамматике Г. С. Лебедева см.: S. K. Chatterji. Calcutta Hindustani. A Study of a Jargon Dialect. – II, v. 1, pt. 2–3. Lahore, 1931; Г. А. Зограф. Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г. С. Лебедева. – КСИНА, вып. 61. М., 1963.

⁴³ Такая транскрипция встречается в грамматике Дж. Хэдли. См.: Зограф. Хиндустани..., стр. 10.

⁴⁴ Б. И. Кузнецов. Глагольные имена маратхи. М., «Наука», 1978, стр. 49–50.

⁴⁵ Возможность «перенесения» связанных морфем из языка в язык подробно рассматривается в монографии У. Вайнрайха (У. Вайнрайх. Теория контактов..., стр. 63 сл.).

⁴⁶ О типичности таких явлений для языков, подвергающихся процессу грамматической интерференции, свидетельствуют примеры, приводимые

У. Вайнрайхом. В «американском португальском» (языке португальцев, живущих в США) встречаются абсолютно аналогичные конструкции — такие, как *fazer o bodu* «беспокоить» (< порт *fazer* «делать» + англ. *bother*) или даже *fazer o findout*. См.: Вайнрайх. Языковые контакты..., стр. 69.

⁴⁷ Ср. список слов, приведенный в работе Г. А. Зографа (Зограф. Хиндустани..., стр. 101 сл.).

⁴⁸ Название «балабандский», возможно, как-то связано с м. *balabodha* «название письма деванагари» или *balabhāsa* «искаженный санскрит; санскрит, низведенный до стадии анабхрамта» (см. Va. Io. Apte (ed.) *Marathi saddaratnakara*. 5th ed. Pune, 1968. За указание на этот источник мы выражаем искреннюю признательность Н. Г. Краснодембской). Ср. также х. *balabandha* «искусный, умелый».

⁴⁹ Подобные явления, связанные с дезаспиризацией начальных звонких и изменением тона следующего за ними гласного характерна для панджаби и некоторых соседствующих с ним языков и диалектов.

⁵⁰ На недостатки списка указывал, в частности, венский профессор К. Альтер в специальной брошюре «Ueber die Samskrdamische Sprache vulgo Samskrit» (Wien, 1799). См.: Булич. Цит. соч., стр. 228.

⁵¹ Булич. Цит. соч., стр. 499.

⁵² На это указывает, например, четко зафиксированное в «Словаре» произношение финального -h (висарги) с вокальным призвуком, «сингармоничным» предшествующему гласному: *Аркага* «солнце» (~ санскр. *arkah*), *Индугу* «месяц» (~ санскр. *induh*), *Сирага* «голова» (санскр. *śiraḥ* < *śiras*-).

⁵³ Аналогичные процессы, как известно, происходят в Индии повсеместно при переходе от древнеиндийского к среднеиндийским языкам. См., напр., Т. У. Elizarenkova, V. N. Todorov. *The Pali Language*. Moscow, 1976, p. 76; В. В. Вертоградова. Праkritы. М., 1978, стр. 56 сл.

⁵⁴ Булич. Цит. соч., стр. 500.

⁵⁵ Т. Е. Катенина. Очерк грамматики языка маратхи. М., ИЛИ, 1963, стр. 34.

⁵⁶ В этих языках, кстати, санскритский гласный ṛ произносится как [ru] — в отличие от североинд. [ri].

⁵⁷ Н. В. Гуров. Дравидийские глоссы в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» (1786–1791). — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета. 11–18 декабря 1972 г. Л., 1972, стр. 19–22.

⁵⁸ А. А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита. — В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М., 1978, стр. 789.

⁵⁹ «Извлечение...», стр. 14; ср.: F. Adelung. *Catherinens der Grossen Verdienste...*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЯ-ИНДИЯ:

ПЕРСПЕКТИВЫ
РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
(г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

РОССИЯ – ИНДИЯ – РОССИЯ – ИНДИЯ

Москва 2000

ББК 66 4(2Р-5Ид)
Р 76

Главный редактор серии
Р. Б. Рыбаков

Ответственный редактор выпуска
В. П. Кашин

Редактор-составитель *Г. М. Кузнецова*

**Р76 РОССИЯ – ИНДИЯ: перспективы регионального
сотрудничества (г. Санкт-Петербург).**
М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – 176 с.

ISBN 5-89282-068-8

*Подготовка и издание сборника
осуществлены при финансовой поддержке
Посольства Индии в России*

ISBN 5-89282-068-8 **ББК 66 4(2Р-5Ид)**

©Институт востоковедения РАН, 2000
©Коллектив авторов, 2000

ИНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В «СЛОВАРЕ ЕКАТЕРИНЫ II»

1. В начале января 1787 г. в Петербурге, в типографии Шнора был отпечатан объемистый (411 стр., 4^о) том, озаглавленный «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение Первое, содержащее в себе Европейские и Азиатские языки. Часть Первая». Вторая часть «Словаря» вышла в свет двумя годами позже, – 1789 г.¹

Открывающее первый том «Предисловие от издателя» подписано академиком Императорской Академии Наук П. С. Палласом. Определяя назначение «Словаря», Паллас пишет: «Искусные в знании языков усмотрят сами, что в сем сочинении наблюдаемо было сколь можно, чтоб показать приметное сродство различных наречий». Еще ранее рассылая европейским ученым свое «Обращение» («Avis а public», 1785) и «Модель словаря. сравнению всех языков служить долженствующего» («Modèle du vocabulaire qui doit servir а comparaison de toutes les langues», 1786), Паллас указывал что это «обширное предприятие» должно привести в конечном итоге к решению вопроса о существовании «одного первобытного языка»². Иными словами, создатели «Словаря» намеревались – не больше, не меньше, – не только создать всеобщую генеалогическую классификацию языков мира, но и подойти непосредственно к решению основных проблем глоттогенеза!..

Гу
Гу

Великим задачам, поставленным перед такого рода «предприятием», отвечал и сам состав «Словаря», и его структура. В основу был положен список из 285 русских слов, по своему значению относящихся к тому глубинному пласту лексики, в котором еще Расмус Раск видел «основу языка»³ и который в работах современных лингвистов именуется «внутренним словарем» или «основным словарным фондом».

Николай Владимирович Гуров, заведующий кафедрой индологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, доцент, кандидат филологических наук.

Ви

Список открывался словами «Бог» и «небо». За этими терминами следовали термины родства и половозрастные наименования («отец», «мать», «дочь», «сын», «муж», «жена», «дева», «мальчик», «дитя»), названия частей тела и внутренних органов человека («голова», «лицо», «рот», «брюхо», «спина», «колено», «сердце» и др.); названия основных физиологических ощущений («слух», «зрение», «вкус», «обоняние», «осязание», «пить», «есть»); космических/атмосферных явлений («солнце», «луна», «звезды», «ветер», «вихорь», «дождь», «снег», «лед»); времена года и частей суток («лето», «осень», «день», «вечер» и т. д.); элементов ландшафта («море», «река», «гора», «холм» и др.); растений и животных («дерево», «дуб», «трава», «зелень», «рожь», «овес», «конь», «бык», «корова», «собака», «птица», «рыба» и др.); орудий труда и предметов домашнего обихода («соха», «борона», «топор», «очаг», «кадь», «мера»). Завершали список названия цветов и качественных характеристик («белый», «черный», «зеленый», «красный», «молод», «стар», «тихо», «живо» и др.), личные местоимения 1–3 лица, вопросительные местоимения и местоименные наречия («что?», «где?», «когда?», «как?»), а также, – в особом разделе «Числа европейских и азиатских языков», помещенном в конце второго тома, – количественные числительные (первого десятка, «сто», «тысяча»).

Весь этот список, – полностью или частично, – воспроизводится на 200 языках Европы и Азии. Во втором издании, вышедшем в 1790–1791 гг. под редакцией Ф. И. Яковича де Мирисов⁴ число представленных в «Словаре» языков возрастает до 272, – за счет нескольких десятков языков Африки⁵, Северной и Южной Америки. Состав «языков и наречий», включенных в «Словарь» Палласа, для своего времени оказывается исключительно репрезентативным. В терминах современной генеалогической классификации в «Словаре» оказываются представлены:

1) индоевропейские языки Европы и Азии: славянские («по-славянски», «по-иллирийски», «по-польски», «по-богемски», «по-кашубски» и др.); романские (включая румынский, – «по-волошки»); германские (в том числе, – «по-жидовски»); кельтские («по-бретански», «по-ирландски», «по-валски», «по-корнвалски» и др.); балтийские («по-литовски», «по-латвийски»); греческий язык («по-сплински», «по-новогречески»); албанский язык; армянский язык; иранские, – живые («по-персидски», «по-авгански», «по-курдски», «по-оссетски», «по-дугорски») и мертвые («по-старо-персидски», «по-песльски»); индоарийские (см. ниже);

2) финно-угорские и самодийские языки («по-венгерски», «по-чюхонски», «по-эстляндски», «по-зырянски», «по-пермски», «по-вогульски», «по-самоядски» и др.);

3) семитские языки («по-еврейски», «по-арабски», «по-халдейски», «по-мальтийски», «по-сирийски», «по-коптически в Египте», «по-ассирийски»);

4) тюркские языки («по-турецки», «по-татарски», «по-башкирски», «по-киргизски», «по-трухменски», «по-якутски» и др.);

5) монгольские языки («по-монгольски», «по-бразки», «по-калмыцки» и др.);

6) картвельские языки («по-карталински», «по-имиретински», «по-суанетски»);

7) нахско-дагестанские и другие языки Северного Кавказа («по-аварски», «по-чеченски», «по-ингушевски», «по-лезгински» и др.);

8) палеоазиатские языки («по-чококци», «по-камчадальски»);

9) тунгусо-манчжурские языки («по-тунгузски», «по-ламутски»);

10) енисейские языки («по-пумпокольски» и др.);

11) сино-тибетские языки («по-китайски», «по-тангутски», «по-тонкински», «по-бомански», «по-сиамски» и др.);

12) аустронезийские языки («по-малайски», «по-явански», «по-тагалански» и др.);

13) дравидийские языки (см. ниже);

14) языки островов Тихого океана («на Маркезианских островах», «на Островах Сандвича»);

15) языки аборигенов Северной и Южной Америки («по-ирокезски», «по-сувацки в западных областях Северной Америки», «по-делаварски», «по-перувански», «по-аравакски» и др.);

16) языки Африки («по-вавуски в Африке», «по-хойсански» и др.).

Из языков-изолятов в «Словаре» представлены баскский («по-басконски»), японский и корейский.

Собирался этот материал из различных источников – словарей и грамматик; печатных «путешественных описаний»; полевых записей сделанных в 1720–1770-х гг. экспедициями Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. И. Лепехина и др.; наконец – специальных глоссариев, составленных по просьбе петербургской Академии Наук ее зарубежными корреспондентами.

П. С. Паллас мог с полным основанием констатировать в своем «Предисловии от издателя», что «языки и наречия, во всех частях света употребляемые, никогда... в таком множестве в виде словаря еще не существовали». Действительно, петербургский «Словарь», – как по количеству сравниваемых языков, так и по их «лингво-географическому разнообразию», – на общем фоне языковедческой литературы того времени представляется явлением вполне уникальным. Его ближайший аналог – «Каталог языков известных народов мира...», созданный примерно в те

же годы испанским миссионером Лоренсо Эрвасом-и-Пандуро, – значительно уступает словарю Палласа в обоих отношениях.

2. Великие географические открытия XVI–XVII вв. Кардинально изменили представления европейцев о качестве и количестве многообразия языков мира. Свойственное мышлению «эпохи Просвещения» стремление к некоей целостной, гармонической, рационально обоснованной картине мира естественным образом привело философов и лингвистов к логическому выводу о необходимости, во-первых, решить проблему происхождения человеческого языка и, во-вторых, – создать единую систему генеалогической классификации «всех языков и наречий».

Сформулированные еще в начале века в работах Г. Х. Лейбница, эти проблемы оставались в центре внимания европейских ученых – лингвистов, историков, философов, – вплоть до конца XVIII столетия. Над происхождением человеческого языка и возникновением различных языков мира размышляли такие «властители дум и чувств» просвещенной Европы, как Вольтер, Руссо, Гердер. При этом методика решения этих задач большинству авторов представлялась предельно простой: стоит только собрать из возможно большего количества языков мира как можно больше слов, одинаковых или близких по значению, сравнить их между собой, и... Одним словом, появление словаря, подобного «Словарю» Палласа, на общем фоне европейской науки того времени представляется вполне естественным.

В ученых кругах Петербурга идея создания «Словаря» вынашивалась давно, по крайней мере с начала 1770-х гг. Еще в 1773 г. Г. Л. Х. Бакмейстер, известный библиограф и филолог, инспектор Академической Гимназии, разослал по всем европейским столицам и российским губерниям «Объявление и Прошение, касающееся до собрания в различных языках примеров»⁶. Известно, что материалы, собранные Бакмейстером за десять лет, широко использовались в период подготовки «Словаря»⁷. Можно, однако, с уверенностью сказать, что ни Бакмейстеру, ни Палласу, ни всей Императорской Академии Наук в целом, не удалось бы осуществить столь грандиозный проект, если бы... Если бы не было своевременного вмешательства «Всевысочайшей десницы».

2.1. В «Предисловии» Палласа мы читаем: «Ея Императорское Величество Сама благоволила трудиться в произведении сего наук приращения... Всеобъемлющий Ея разум при толь многих и важных делах обращен был и на сравнения языков всех на земле обитающих народов».

Слова Палласа кажутся на первый взгляд вполне обычным для той эпохи проявлением верноподданнических чувств. Можно подумать, что он, в благодарность за помощь и поддержку, решил украсить свой труд монаршим именем, или, выражаясь современным языком, «взял императ-

рицу в соавторы». При более внимательном рассмотрении оказывается, однако, что дело обстоит гораздо сложнее. В письме одному из своих постоянных корреспондентов, доктору Циммерману, от 9 мая 1785 г. императрица сообщает: «Ваше письмо извлекло меня из уединения, в которое я девять месяцев была погружена... Вы не отгадаете, в чем состояло мое занятие... Я составила реестр от двух до трех сот коренных русских слов, которые велела перевести на столько языков и наречий, сколько могла найти: их уже более двухсот... Я призвала к себе профессора Палласа и, сознавшись в своем прегрешении, согласилась с ним напечатать сии полезные переводы... Для этой цели ожидаются только некоторые наречия восточной Сибири»⁸.

В этом своем письме Екатерина, – как обычно, – слегка кокетничает, слегка «беллетризирует» факты, но в целом, – и это подтверждают документы, – говорит правду: инициатива работы над «Словарем» принадлежит действительно ей.

Непосредственным толчком к этому, по мнению Я. К. Грота, послужило знакомство императрицы с многотомным сочинением французского писателя Антуана Кур де Жебелева «Мир первобытный в сопоставлении с миром сегодняшним» (*Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne*. P. 1773–1784), в котором автор рассуждает о происхождении языка, горячо отстаивая модную в то время идею моногенеза языков мира⁹. Екатерина, которая, по отзывам современников, всю свою жизнь отличалась поразительной, – даже для «энциклопедического» XVIII в., – широтой интересов и способностью сочетать казалось бы совершенно не сочетаемые роды деятельности и знаний, не только увлеклась этими языковедческими теориями, но и пожелала немедленно проверить их на практике.

По ее приказанию, – впервые в истории российской науки и культуры, – чисто лингвистический проект получает статус официального мероприятия. Список языков по личной просьбе императрицы уточняет берлинский профессор Х. Ф. Николаи. Исправленный Николаи «реестр» рассылается по правительственным каналам по всему миру. К сбору материалов привлекаются отечественные губернаторы и наместники, российские послы и посланники (которым это вменялось в обязанность формальным указанием вице-канцлера А. А. Безбородко), российские сановники («на покое» (например, – экс-президент Академии Наук граф К. Г. Разумовский) и «знатные иностранцы» (в их числе – маркиз Лафайет и президент Северо-Американских штатов Джордж Вашингтон). Работа над проектом, – как это нередко случалось и случается у нас до сих пор, – осуществлялась в сугубо авральном порядке. П. С. Паллас перед самой смертью, 1811 г., писал Ф. П. Аделунгу: «Я... должен был спешить

с изданием, чтобы не слишком раздражать нетерпение, с каким ожидали каждого нового листа из типографии»¹⁰

Причины такого живого и действенного интереса «Великой Премудрой Матери Отечества» к столь, казалось бы, далеким от реальной действительности проблемам гуманитарных наук на первый взгляд кажутся непонятными. Кое-что становится ясным из – пусть даже самого общего и поверхностного анализа исторического контекста. История правления Екатерины II свидетельствует о том, что именно в середине 1780-х гг. деятельность императрицы – в самых разных направлениях и сферах – достигает своеобразного «пика активности». За пять лет, с 1782 г. по 1787 г., в России, одно за другим, происходят знаменательные события, оставившие в жизни русского общества глубокий и долговременный след. В эти годы осваиваются вновь приобретенные территории на юге империи, – Новороссия, Крым, Кубань (Севастополь был основан в 1783 г., Владикавказ, в 1784 г.); создается Черноморский флот; определяется правовой статус дворянства и городских обывателей («Жалованная грамота дворянству» и «Грамота о правах и выгодах городов», 1785 г.); основывается (1783 г.) Российская Академия, перед которой ставится задача – создать полноценный словарь русского языка (издан в 1789 г.); начинается школьная реформа; заключается Георгиевский трактат с Грузией (1783) и ведутся переговоры о заключении торгового договора с Францией. «Деятельность Екатерины была поистине беспредельна», – писал граф Л.-Ф. Сегюр, занимавший в этот период пост французского посла при российском дворе¹¹.

Информация обо всех этих свершениях немедленно, – насколько это было возможно в то время, – распространялась по всему миру. За этим строго следили и сама императрица, и ее сподвижники. Екатерина стремилась создать в сознании мирового сообщества новый образ России, – государства, наделенного, подобно великим империям прошлого, особым статусом, превосходящего все прочие по территории и населению, обладающего сокрушительной военной мощью и, вместе с тем, находящегося на самом высоком уровне современного просвещения. Создание такого «имиджа» было необходимо для осуществления далеко идущих геополитических планов, вынашивавшихся в Петербурге. Показать миру во всей красе обновленное лицо России должно было знаменитое «путешествие в Тавриду», совершенное в 1787 г.¹²

Создание «Словаря всех языков и наречий» отлично вписывалось в эту схему и, судя по всему, имело к ней самое непосредственное отношение. Неоднократно цитировавшаяся в нашей работе «Предисловие от издателя» начинается следующими, весьма знаменательными словами: «Между известными в истории Государствами нет ни единого на свете,

которое бы, как по величине своей, так и по различию обитающих в нем народов и языков, могло бы хоть некоторым образом сравниться с Российской Империей, выключая разве преубывшей Римской Монархии. Но и сия, если сравнить обстоятельнее уступить должна. .. Ни от какого, следовательно, Государства нельзя столько надеяться пособий и объяснений для Истории народов и знания языков, как от России». Нельзя считать случайным и тот, отмеченный еще Я. К. Гротом, факт, что первый том «Словаря» «был поднесен Императрице накануне отъезда в Крым, 6 января 1787 г.»¹³.

2.2. Отзывы и рецензии, появившиеся после выхода «Словаря», в 1790 – нач. 1800 гг., в европейской научной печати, в основном оценивают петербургский проект вполне благожелательно¹⁴. Более того, можно сказать, что выход «Словаря» послужил толчком к дальнейшим работам по сопоставлению «языков и наречий» и разработке их классификации. Ссылаясь на петербургский опыт, И. Х. Аделунг публикует в 1806–1817 гг. свой четырехтомный труд «Митридат, или всеобщее языкознание» (Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde), где в качестве исходного языкового материала используются уже не отдельные слова и тексты (текст Молитвы Господней на 500 языках), а сопоставление языков осуществляется не только на лексическом, но и на грамматическом уровне.

ПЧО
и

Вскоре, однако, отношение ученых-лингвистов к «Словарю» Палласа кардинально меняется. После возникновения в первые десятилетия XIX века сравнительно-исторического языкознания стала очевидна полная бесперспективность методики и идеологии, которой пользовались создатели «Словаря», для достижения избранной ими цели. К «Словарю» стали относиться как к некоему научному курьезу, – вроде ученых трудов XVIII в., написанных с позиций модной тогда «теории флогистона». (В таком ключе «Словарь» рассматривается, в частности, в «Очерке истории языкознания в России» С. К. Булича.)

Сдержанно-критическое отношение к «Словарю» Палласа, усвоенное учеными XIX – нач. XX вв., было связано не только с изъянами его общеметодологической основы, но и с конкретными недостатками в подаче языкового материала. Писавшие о «Словаре» отмечали отдельные неточности в наименовании языков и наречий: указывали на то, что в «Словаре» «на равных правах» с языками включены не только территориальные диалекты («по-неаполитански», – наряду с «по-итальянски»), но и некоторые жаргоны (например, «язык» владимирских «офеней», – «по-суздальски»); оспаривали правильность перевода отдельных слов и терминов и т. д. Указывалось также на неадекватность передачи звуковой системы различных языков в принятой в «Словаре» транскрипции. (Составители «Словаря», исходя из того, что «для показания точного произ-

ношения всех сих языков нет лучше и способнее всех Европейских азбук, как Российская», попытались передать фонетические особенности всех языков мира средствами русского письма и руководствуясь правилами русской орфографии. Диакритика не применялась; единственное исключение, – графема *Ḥ* обозначающая фарингальный (и/или заднеязычный) звонкий щелевой.)

Все эти упреки во многих случаях нельзя признать вполне справедливыми. Сейчас нам ясно, что конкретные недостатки «Словаря», – так же, как и его методологическая основа, – связаны в основном с характерным для той эпохи общим уровнем развития языковедческой науки и имевшимся в распоряжении ученых объемом информации о языках мира¹⁵. И все же С. К. Булич, отмечавший в своем «Очерке», что работа над «Словарем» иногда «носила характер скороспелости и необдуманности»¹⁶, был во многом прав. При внимательном изучении словарного материала, кажется, например, совершенно непонятным, почему среди представленных в «Словаре» языков имеются такие языки, как «делаварский» или «аравакский», но нет амхарского (эфиопского), известного европейцам с XVI в.? Почему составители – ученые академической школы, воспитанные в духе строжайшей аккуратности во всем, что касается исследуемого материала, временами путаются в нем, помещая, например, под рубрикой «сингальский» числительные подозрительно схожие с корейскими?¹⁷ Почему в «индостанском» языке, распространенном, по словам составителей, на Декане, встречаются слова, явно попавшие туда из другого, «бенгальского» списка? Такие вопросы возникают весьма нередко.

Причину всех этих несообразностей следует видеть, очевидно, в том «нетерпении» Высочайшего соавтора, на которое через двадцать пять лет жаловался в своем письме Паллас. Вмешательство «Высочайшей десницы» открывало перед «Словарем» зеленую улицу и вместе с тем лишало Палласа и его сотрудников возможности должным образом проверить языковой материал или еще больше расширить список языков. Величие и грандиозность замысла, судя по отзывам современников, сочетались с торопливой небрежностью исполнения во многих проектах Екатерины¹⁸. «Сравнительный словарь языков и наречий» просто не стал исключением.

Недостатки «Словаря», действительные и мнимые, – несомненно затрудняют его использование в историко-типологических исследованиях (при этом неизбежно возникают проблемы с идентификацией некоторых языков и диалектов, фонетической и семантической идентификацией отдельных слов и т. д.), но ни в коей мере не лишают его непреходящей научной ценности. Нужно помнить, что значительная часть представленного в «Словаре» языкового материала была получена в результате «по-

левых записей» непосредственно от информантов-носителей и, таким образом, фиксирует живую разговорную речь на достаточно удаленном от нас синхронном срезе (≅ середина / вторая половина XVIII в.). Нужно помнить также, что большинство языков, включенных в «Словарь» Палласа, были (во всяком случае в тот период!) бесписьменными, при чем некоторые из них (такие, как аринский, пумпокольский и другие енисейские языки) с того времени полностью исчезли, а иные стали систематически изучаться лишь столетие спустя.

К материалам «Словаря» обращались многие ученые, занимающиеся реконструкцией исторического прошлого как отдельных языков (например, венгерского)¹⁹, так и целых языковых семей (таких, как енисейская семья языков)²⁰. В нашей работе мы хотели бы рассмотреть (прежде всего – в плане идентификации и возможного определения источников) включенную в «Сравнительный словарь» лексику языков Индийского субконтинента²¹

3. Языки Южной Азии представлены в «Словаре» Палласа под следующими наименованиями: 167 «по-индейски в Мултане»; 168. «по-индостански в Бенгале»; 169. «по-индостански в Декане»; 172. «по-самшкрутански»; 173. «по-балабандски» (в разделе «Числа по-валабандски»); 173. «по-сингальски»; 176. «по-канарски»; 177. «по-малабарски»; 178. «по-тамульски»; 179. «по-варугжски». (В разделе «Числа» этот список дополняется непальским языком «по-непальски»)²²

Об источниках обретения индийского языкового материала говорится очень скупо. В «Предисловии» сообщается только: «Между Индейскими наречиями Мултанское собрано от живущих в Астрахани Индийцев, Бенгальское и Деканское получены из Англии, последнее от Губернатора Голвелла». О том, как попала в «Словарь» лексика «самшкрутанского», «балабандского» и прочих языков, не говорится ни слова.

По своему составу ни один индийский глоссарий не покрывает полностью лежащего в основе «Словаря» «реестра». Проблемы встречаются даже в полных списках, – «мултанском» (275 слов из 285), «деканском» (262 слова) и «бенгальском» (249 слов). В большинстве же случаев индийские глоссы охватывают примерно от 8 до 18% словника: так, «самшкрутинский» список насчитывает всего 42 слова, «балабандский» – 37 слов, «сингальский» – 22, «канарский» – 24, «малабарский» – 24²³, «тамульский» – 54 и «варугжский» – 28 слов.

Если судить по названиям представленных в «Словаре» языков Южной Азии, то в «мултанском», «индостанском в Декане» и «в Бенгале», «самшкрутанском», «сингальском» и «непальском» можно предполагать некие языки индоарийской группы, а в «канарском», «малабарском», «тамульском» и «варугжском» – дравидийские языки Южной Ин-

I > -
4

объему
Неп

Та
Т«
} дии (соответственно, – каннада, малайялам, тамильский и телугу; название «варугжский» восходит к там. varuḷi «страна Андхра; язык телугу», из varu «северный»). Однако зачастую наличие названия само по себе не говорит еще ни о чем. Во-первых, многие из этих лингвонимов не соответствуют общепринятой сейчас научной номенклатуре. (С. К. Булич с удивлением отмечал появление в «Словаре» «какого-то балабандского или валабандского языка» недоумевая, что за новоиндийский язык разумели под ним составители)²⁴. Во-вторых, как выясняется, название далеко не всегда соответствует содержанию: беглого просмотра достаточно для того, чтобы убедиться в том, что между «индостанским в Бенгале» и доподлинным бенгальским языком оказывается весьма немного общего.

Вопрос о том, какие именно индийские языки представлены в «Словаре», после работы С. К. Булича в индологической литературе специально не рассматривался. Между тем, индийские материалы «Словаря» – это можно утверждать почти с уверенностью – в отличие от многих других «азиатических» и африканских языков, не заимствованы из более ранних печатных или письменных источников (двухязычных индийских словарей в то время практически не было)²⁵, а получены непосредственно от информаторов и, следовательно, передают разговорную речь индийцев в том виде, в каком она существовала двести с лишним лет тому назад. Ценность такого – пусть и сравнительно небольшого по объему – источника для истории новоиндийских языков очевидна.

Та
не
бы
} И
И
еще
В то же время попытки отождествления встречающихся в «Словаре» «индейских слов» с их реальными прототипами (и, соответственно, идентификации языков и наречий) наталкиваются на серьезные трудности, связанные прежде всего с принятой составителями практической транскрипцией. По вполне объективным причинам (о них шла речь выше) не могла найти четкого и последовательного отражения так же кардинальные характеристики фонетического строя новоиндийских языков, как противопоставление гласных по «долготе/краткости»; назализация гласных; аспирация смычных и аффрикат; наличие звонких аффрикат, отсутствующих в русском языке; противопоставление дентальных и ретрофлексных и т. д. Все эти явления отмечаются лишь спорадически и неоднозначно.

Идентификация индийских слов тем более затрудняется в тех случаях, когда одна система транскрипции накладывается на другую, столь же несовершенную. В списках слов, присланных в Петербург от «Губернатора Голвелла» и других англоязычных респондентов, индийские слова транскрибировались в соответствии с правилами английской орфографии. Краткое новоиндийское [a] (например в словах palak «веко», larkā «мальчик» или baras «год») отождествлялось с английским [ʌ] и изображалось на письме соответственным образом, – так, как оно писалось в

английских словах cut, hut и т. д. – pulluck, lurka, butus. В Петербурге эти слова транскрибировались уже в соответствии с правилами латинской (и/или немецкой) орфографии. В результате мы находим в «Словаре» «бенгальские» Лурка, Пуллукъ или «деканское» Буррусь. В некоторых случаях под влиянием немецкой орфоэпии интервокальное -s- читалось и передавалось по-русски как *ш*, а звонкий аффрикат j [dz] – как немецкий «йот». После такого «перекодирования» фонетический облик слова менялся иногда до неузнаваемости, и если в «самшкрутском» Назикамъ еще можно распознать «исходное» nasikam, то углядеть в «бенгальском» Юаль «вода» прототип jaI оказывается довольно затруднительным.

И все же, несмотря на все эти несообразности, можно ~~сказать~~, что индийский материал «Словаря» Палласа вполне поддается лингвистической идентификации.

3.1. Тот факт, что «от живущих в Астрахани Индейцов» П. С. Паллас записал образцы именно «мултанского» наречия, представляется вполне закономерным. Именно Мултан, по данным историков, на протяжении нескольких столетий (по крайней мере – с XIV–XV вв.)²⁶ был главным центром внешней торговли, связывавшим Индию с Центральной Азией, Кавказом, а затем – и с Россией. Мултанские купцы составляли большинство населения индийской колонии в Астрахани в XVII–XVIII вв. По свидетельству Палласа, многие из астраханских индейцев называли себя выходцами из «Мултанистана»²⁷

Попытка лингвистической идентификации образцов языка «астраханских Индейцев», записанных П. С. Палласом, наталкивается на определенные трудности. Термин «мултани» в индологической литературе относится к диалекту, распространенному на западных окраинах области Пенджаб (в окрестностях Мултана, Бахавальпура и Дерагазихана) и, – частично, – на сопредельных территориях (район Пешавара; отдельные районы Белуджистана и Синда). Наряду с другими близкими к нему «наречию» (шахпури-джатки, дханни, гхеби, чибхали, хиндки, аванкари и др.), мултани входит в группу диалектов, известных под названием «западнопанджабские», или «лахнда» («ленди»²⁸). Трудности в идентификации словарного материала связаны прежде всего с относительно слабой изученностью западнопанджабских диалектов. (Ни словарей, ни обстоятельных грамматик большинства из них до сих пор просто не существует.) Кроме того, нужно помнить, что население такого крупного торгового центра, как Мултан в XVIII веке, было, скорее всего, многоязычным и поэтому в «список Палласа» могли попасть слова, относящиеся к разным диалектам и разным языкам.

Анализ «списка Палласа» (составленного – не в пример многим другим глоссариям, отраженным в «Словаре», – с большой тщательностью

V-3-

W
yambey
gam6

стью и аккуратностью) четко указывает на западнопанджабскую соотнесенность «мултанских» глосс. Специфические характеристики, отличающие языки и диалекты этой группы от других новых индоарийских (НИА) языков, проявляются уже в особенностях их фонетического состава и структуры²⁹. «Список Палласа» фиксирует, например, такие характерные только для «группы лахнда» явления, как спонтанная аспирация перед начальным гласным (гекъ «один» ~ л. (мулт.) hekk, hikk; ср. х., б., м., гудж. и др. ek); сохранение древнеиндийского начального *v-, во многих других НИА переходящего – полностью или частично – в b- (Валь «волос» ~ л. vāl «волосы»; ср. с. vāgu; пандж. vāl, bāl, х. hāl «волось» и др.); сохранение в начале слова «исходных» сочетаний типа «смычный + сонант» (Трай «три» ~ л. trai, trae; ср. пандж. tīnp; х., м. tīn; ас., б. tīni и др., ср. также ниже Третье); переход древнеиндийского * śī- в śi- (Сирамжи «Бог» – очевидно, из śīṅ gām jī; ср. л. śīrh «водопад» < śīdhī «лестница») и т. д.

Принадлежность языка астраханских «мултанов» к западнопанджабской группе диалектов подтверждается и той – к сожалению, скудной и фрагментарной – информацией морфологического характера, которая, тем не менее, может быть почерпнута из «Словаря». В некоторых глоссах словарного списка «скрываются» характерные для этих диалектов форманты множественного числа имени: -ā (Наса «ноздри» – ср. л. nās «ноздри», мн. ч. nās-ā; Гелга «щеки» – ср. л. (шахп.) galh, (мулт.) gallh «щека», мн. ч. gallh-ā), а также -ī/-ī (Англи «пальцы» – ср. л. (мулт.) angī «палец», мн. ч. angī; Адми «человек», Адмигинь «люди» – ср. л. (мулт., Дерагази-хан) ādmī «человек», мн. ч. admī)³⁰. В глагольно-именных формах того же списка (типа «зрение», «взять», «возить») явно прослеживаются все три отмеченных в грамматических описаниях «лахнда» варианта показателя инфинитива: -uṅ (Деконь «зрение», Гавонь «петь»), -aṅ (Марань «бить») и -pā (Марна «смерть»)³¹.

Приведенный в «Словаре» список личных местоимений 1–3 лица также вполне соответствует западнопанджабской системе. Так, «словарные» формы Me, Meṅ, Meṅ «я» отражают, по-видимому, л. mā, mē, māṅ «я» (все эти формы употребляются в значении как номинатива, так и эргатива), «словарное» Meṅ «я», возможно, соответствует л. miḡhī «мне, меня» (дат.-вин. пад.). Аналогичным образом, «словарные» Tu, Tū передают характерные для мултанского диалекта формы номинатива 2 л. ед. ч. л. tū, tū «ты», в то время как Teṅ «ты» соответствует эргативу tā. Во множественном числе «словарные» Aca «мы» и Tusa «вы» передают, соответственно, л. as(s)ā «мы» (ном.-эрг.) и tus(s)ā «вы»

(также ном.-эрг.). Уго и Уно, которым в «Словаре» приписывается значение «он», можно трактовать по аналогии характерными для шахпурского диалекта эмфатическими формами указательных местоимений дальнего плана: ūh-ñ «именно тот» и ūp-ñ «именно те, именно они»³²

Наконец, западнопанджабский след обнаруживается и в лексическом составе «списка». Многие «мултанские» глоссы находят четкие соответствия – как по форме, так и по значению – именно в лексике диалектов «лахнда» или в НИА языках, граничащих и контактирующих с ними. Таковы, например:

Вать «рот» ~ л. vāt, с. vātu «рот»;

Треметь «жена» ~ л. (мулт.) trīmit, tremit «жена», ср. пандж. tarīmat;

Ала «голос» ~ л. (мулт.) alā «речь, крик»; потх. ālā «зов»;

Нендерь «сон» ~ л. (шахп.) nindr; (аван.) nindur; ср. х., б. nīd, nīd;

Ана «яйцо» ~ л. (шахп.) ānā; с. anó; ср. х. б. ā ģ;

Вдя «велико» ~ л. vaḍḍā, vaḍā «большой»; ср. пандж. baḍā, vaḍḍā; х.

barā «большой»;

Кандь «спина» ~ л. kaṇḍ; ср. х., м. kāṭā «позвоночник».

Подобных примеров можно привести еще не один десяток.

Точно определить диалектную принадлежность записанного П. С. Палласом говора – без привлечения дополнительных материалов – представляется довольно затруднительным. Больше всего схождений – как в морфологическом, так и в лексическом плане – «Индийский в Мултане» обнаруживает с мултани, шахпури (джатки) и другими диалектами, относящимися по классификации К. Шэкла к языку сирайки. В то же время нельзя не отметить, что для некоторых глосс (таких, как Гй «сердце», Валгю «год») наиболее близкие аналоги обнаруживаются вообще за пределами западнопанджабских диалектов – в языке синдхи (см. с. hio «сердце», при л. hā, haē; с. varhu «год», при л. (мулт.) varhā, varhē). Сходными с синдхи оказываются не только знаменательные слова (Магармачь «жит» ~ с. maigar-macho «жит»), но и некоторые местоимения, например, Угаги «она», близко напоминающее эмфатическую форму местоимения синдхи ūhā-i «именно она»³³ (В западнопанджабских диалектах местоимения 3-го лица по роду не различаются.) Значит ли это, что в «Словаре» нашел отражение говор, в чем-то близкий к такому диалекту языка сирайки, как «синдхский сирайки»³⁴?

Мултанский «список Палласа» требует дальнейшего (и притом – тщательного) изучения хотя бы уже потому, что он является едва ли не первым в индологической литературе глоссарием диалектов Западного Панджаба, научное исследование которых началось не ранее середины XIX в.

3.2. Названия «Индостанский в Бенгале» и «Индостанский в Декане» – мы уже говорили об этом – способны вести в заблуждение читателя, ожидающего найти под этими рубриками данные о бенгальском языке или языке дакхини (южно – «деканском») – варианте литературного урду). В действительности оба эти глоссария содержат лексико-грамматический материал, относящийся к так называемому «базарному хиндустани».

По мнению С. К. Чаттерджи, термин «хиндустани» («индостани») возник – как обозначение общеиндийского делового и обиходного языка, созданного на основе диалектов западного хинди – не ранее конца XVII – начала XVIII вв.³⁵ «Базарным хиндусгнаи» («базарным хинди») стали называть один из его наиболее распространенных вариантов – своего рода жаргон, служивший средством общения для выходцев из разных регионов Индии³⁶ По словам Чаттерджи, на этом языке говорили «на улицах и базарах, в мастерских и на складах, в военных городках и на верфях... от Карачи и Пешавара до Дибругарха и Читтагонга и от Сринагара и Бадринагта до Хайдарабада и Бангалура»³⁷

Функциональная специфика «базарного хиндустани» сама по себе предопределила его «культурную отчужденность» от всякой письменной (тем более – литературной) формы. Не признававший ни географических границ, ни социальных барьеров, пренебрегавший всеми грамматическими и стилистическими нормами, этот язык должен был ограничиться в своем употреблении исключительно сферой устного общения. Он не отражен ни в одном индийском письменном источнике. Тому, что мы сейчас имеем хотя бы некоторое представление о живой речи индостанских базаров, мы обязаны исключительно первым европейским грамматикам и словарям, создававшимся в XVIII – начале XIX вв. в чисто практических целях. Большое значение этих работ – грамматик И. И. Кеттлера и Дж. Хэдли, словаря Дж. Фергюссона и – пожалуй, в особенности – грамматики нашего соотечественника Г. С. Лебедева³⁸ – для изучения истории языка хинди и характеристики языковой ситуации в Индии того периода признается в настоящее время как в отечественной, так и в мировой индологии. Материалы «Словаря» Палласа, однако, в этом плане до сих пор никак не учитывались.

Распространение хиндустани в разных регионах Индии естественным образом приводило к той или иной форме многоязычия. В результате хиндустани и «местные языки» вовлекались в процесс взаимной интерференции, причем характер и степень интерференции неизменно зависела от социального статуса языка-источника и языка-реципиента³⁹. Исследователи, занимавшиеся «базарным хиндустани» XVIII в., констатируют, что этот язык «...имеет много вариантов».. причем на его лексиче-

ке, фразеологии и грамматике сказывается влияние местных говоров»⁴⁰ Такое локальное влияние отмечается в той или иной степени во всех ранних грамматиках и словарях. Так, в грамматике И. И. Кеттлера, по мнению Чаттерджи, был описан «базарный хиндустан», характерный для Сурата и его окрестностей: вышедшая почти одновременно (1744–1745 гг.) грамматика Бенъямина Шульце описывает язык, близкий (или идентичный) дакхини; «хиндустан», зафиксированный в словаре (и приложенной к нему грамматике) Дж. Фергюссона был в употреблении, скорее всего, в западных и юго-западных районах Бенгалии, на границе с Ориссой⁴¹. Наконец, грамматика Г. С. Лебедева донесла до нас – во всей его пестрой несообразности – живой язык калькуттских базаров, а точнее – целую совокупность говоров, использовавшихся в 1790-х гг. на рынках и улицах Калькутты⁴²

Именно такие локально окрашенные варианты базарного хиндустан были представлены в списках, присланных в Петербург «из Англии, от Губернатора Голвелла» и вошедших в «Словарь» под названиями «Индостанский в Декане» и «Индостанский в Бенгале». При этом, если «бенгальский» глоссарий оказывается в чем-то близок хиндустан, описанному Дж. Фергюссоном и Г. С. Лебедевым, то «Индостанский в Декане» в грамматической литературе XVIII в., по-видимому, вообще не имеет себе аналогов. Грамматические особенности «списка Голвелла» свидетельствуют о том, что на этом языке говорили индийцы, первым языком которых был маратхи или один из его диалектов.

Интерференция хинди (хиндустан) с бенгальским и маратхи прослеживается в обоих глоссариях на всех трех уровнях – фонетическом, грамматическом и лексическом, хотя следы фонетической интерференции – из-за несовершенства транскрипции – распознаются лишь в отдельных случаях и с немалым трудом. Характерные для бенгали (и других НИА языков восточной группы) фонетические особенности проявляются в «бенгальском» списке, например, в постоянной передаче краткого [a] хиндустан через русское о (=б. [o]): Дордь «боль» ~ х. dard; Гола «горло» ~ х. galā; Ломба «длина» ~ х. lambā «длинный» и т. д. С наличием однофокусного дентального аффриката [ç] в маратхи связано, возможно, появление инициального ç- в таких словах «деканского» списка, как Цабурь «дурно» или Цабунь «худо».

Основным проявлением грамматической интерференции следует считать «смещение» одинаковых (или близких) по значению элементов грамматической системы языка-источника и языка-реципиента (в данном случае – хиндустан). Заимствованные из «источника» элементы либо заменяют свой аналог в хиндустан, либо употребляются наравне с ним. Это относится и к отдельным морфемам, и к таким «специфическим»

классам слов, как местоимения. Вот как выглядит представленная в «Словаре» система местоимений «бенгальского» и «деканского» списков:

«Индостанский в Бенгале». 1 л. ед. ч. («я»): Гомь ~ старобенг. haī, ст. авадхи haīm; мн. ч. («мы»): Гумлодже (=humloge⁴³) ~ х. hamlog; Гьямь ~ х. ham (?); Гамме ~ х. (эмф.) hamī (?); 2 л. ед. ч. («ты»): Ту ~ х. tū; Тумми ~ б. tumī; ср. старобенг. tumhe, ор. tumbhi; мн. ч. («вы»): Тумь ~ х. tum; Тумме ~ х. (эмф.) tumhī; Тэмь ~ (?) ср. бхѣджпури tē, бундели tū⁴⁴ «ты»; майтхили tē/h sabh «вы»; 3 л. ед. ч. м. р. («он») Онь, Унь ~ б. o, unī «тот»; ж. р. («она») Уа' ~ ?; мн. ч. («они») Уэлodge (=we loge) ~ х. ve log {уно ~ (?) х. unhō («эрг.» п.); (дат. п. – «им») Уска ~ х. us kā.

«Индостанский в Декане». 1 л. ед. ч. («я»): Ёумь ~ х. ham; Ёаумь ~ (?) ст. авадхи haīm, брадж hāu, кон. hāu; мн. ч. («мы»): Ёумлогь ~ х. hamlog; Амми ~ м. āmhi; ср. кон. āmī; 2 л. ед. ч. («ты»): Тингѣ (ошибочно в м. *Тунгь ?) ~ м. tū; Туамь ~ санскр. t(u)vam (!); мн. ч. («вы»): Тумь ~ х. tum; Тумми ~ м. tumhī, tumī; кон. tummī; 3 л. ед. ч. м. р. («он»): Уэ ~ х. (почтит.) ve «он» То ~ м. to; ж. р. («она») Уэ ~ х. ve «она» (почтит.); мн. ч. («они») Уэлогь ~ х. ve log; Тя ~ м. tuā (мн. ч. ж. р.); (дат. п. – «им») Унько ~ х. un ko.

Аналогичное «смешение языков» отмечается и среди глагольных, включенных в состав обоих списков. Если форма глагола-связки «Есть (бывает)» и в «деканском» (Ёуе), и в «бенгальском» (Ёей) соответствуют стандартному хинди (haī, hue), то глагольно-именные формы маркируются разными по языковой принадлежности показателями. В «бенгальском» списке, наряду с глагольными формами, маркированными обычным для хинди (хиндустани) показателем инфинитива -nā (Декна «зрение» ~ х. deknā «видеть»; Рона «воплъ» ~ х. gonā «плакать»; Марна «бить» ~ х. manā; Ленна «братъ» ~ х. lena и др.), встречается ряд инфинитивных форм, оканчивающихся характерным для бенгали формантом инфинитива -ā (Сунга «обоняние» ~ б. sūgā; Курра «делать» ~ б. karā). В «деканском» списке инфинитивные формы, оканчивающиеся показателем -на (х. -na) сравнительно редки (Катна «резать» ~ х. kātnā; Пьар курна «побить» ~ х. pyār karā). Большинство же инфинитивных форм маркируются маратхским показателем инфинитива - rē, который в «Словаре» передается как -не/-нѣ (Пьинне «пить» м. pīrē, ср. х. pīnā; Марне «бить» ~ м. marē, Хаоне «есть» ~ м. khārē, ср. х. khānā и т. д.). В некоторых случаях глагольные формы списка оканчиваются показателем -уе (Пукауе «варить» ~ х. rakānā; Летуе «лечь» ~ х. lētnā «лежать»; Ладжауе «возить» ~ х. jājānā «(у)носить» и др.), в котором «угадывается» маратхский

формант {-ā)vē, образующий – в терминологии Б. И. Кузнецова – «отрицательный субстантив II»⁴⁴.

При этом можно почти с уверенностью сказать, что в данном случае интерференция языков осуществлялась именно на морфемном (грамматическом), а не лексическом уровне⁴⁵. В «базарный хиндустани» проникают именно бенгальские и маратхские морфемы – показатели инфинитивов – а не слова. Это видно из того, что в некоторых словах наших списков эти показатели присоединяются к той форме основы, которая характерна именно для хинди, а не для НИА языков южной или восточной группы. Примером таких гибридных образований могут служить «бенгальск.» Сунга «обоняние» (ср. х. *sūgh-nā* «обонять»: б. *sūg-ā*), «деканск.» Чикнъ «вкус» (х. *cīkh-nā* «пробовать»: м. *sākh-ṛē*), Бурне «рост» (х. *bārh-na* «растить»: м. *vādh-ṛē*) и др.

Общераспространенность и общедоступность «базарного хиндустани» могла иметь место лишь при максимальной простоте его грамматики (на это указывают все авторы, писавшие об этом языке). Тенденция к упрощению структуры, к ее семантической прозрачности проявлялась на всех уровнях, охватывая, в частности, синтетические и аналитические формы глагольного словообразования. В «бенгальском» и «деканском» списках мы находим, например, сложно-именные глаголы, в которых образующий глагол, определяющий залоговый статус сочетания в целом («делать», «быть» и др.), присоединяется – в нарушение общей для НИА языков модели – не к имени, а к основе некоего глагола. Так, в «бенгальском» списке, наряду с Нийнь Курра (=nī(d) karā) «спать» (< б. *nīd* «сон»), встречается также Катъ Курра «резать», где Катъ представляет собой основу смыслового глагола, самостоятельного статуса не имеющую (ср. б. *kāṭā* «резать», х. *kāṭnā*)⁴⁶.

Лексический состав «Индостанского в Бенгале» и «Индостанского в Декане» в целом мало в чем отличается от других вариантов «базарно хиндустани», описанных в грамматиках Дж. Хэдли, Г. С. Лебедева и словаре Дж. Фергюссона⁴⁷. Ирано-арабские заимствования, составляющие около 30% слов, сочетаются в списках «Словаря» с общераспространенной новоиндийской лексикой и несколько неожиданными в этом контексте санскритизмами («бенгальск.» Атгманъ «воздух», «деканск.» Удакъ «вода» и др.). Лишь отдельные «маратизмы» и «бенгализмы», типа «деканск.» Матте «голова» (кон. *māthē*, м. *māthā*) или «бенгальск.» Чуль «волосы» (б. *cīl* «волосы, локоны») указывают на географическую соотношенность этих вариантов.

3.3. Таинственный «балабандский» язык, приводивший в недоумение С. К. Булича, на поверку оказывается, судя по всему, одним из диалектов маратхи, в чем-то близким к конкани⁴⁸. Об этом свидетельствует прежде всего список «балабандских» местоназваний (Ми «я» ~ м. mī; Амги «мы» ~ м. āmhī, кон. āmī; Ту, Тумь «ты» ~ м.; кон. tū; тумми «вы» Тамби, Тамги «вы» ~ м. tumhī, tuhūnī; ср., однако, гудж. tame; ор. tumbhī; То «он» ~ м. to; Во «они» ~ (?), ср. ст. марвари vo, u), а также некоторые числительные (Дони «два» ~ кон. dōnī, м. dōp; Тини «три» ~ кон. fīnī, м. tīn; Шари «четыре» ~ кон. suāgī, м. cār; Саґа «шесть» ~ м. sahā, кон. sā; Сата «семь» ~ кон. sāta, м. sat; Даґа «десять» ~ м. dahā, кон. dah).

На близость «балабандского» к диалектам маратхи указывают и полнозначные слова – названия частей тела и животных в небольшом количестве попавшие в «Словарь» Палласа:

Дой «голова» ~ м. doi; Доля «глаз» ~ м. dōlā «отверстие»; Накке «нос» ~ (?) ср. м. nākē «конец дороги, тупик»; ср. также х. nākā «узкий проход; игольное ушко»; согласно словарю Р. Л. Тэрнера (7037) < *nākka «выступающий, выдающийся; торчащий, как нос»; Шибя «язык» ~ кон. jīb(h)a, м. jībh; Куттера «собака» ~ м. kutrā; Шели «баран» ~ м. śeli «козел»; ср. х. chela. Не соответствует, однако, фонологическим характеристикам маратхи передача индоарийского начального gh- через русское к в словах Кере «дом» и Кода «лошадь»⁴⁹.

Более точно идентифицировать «балабандский» язык в настоящее время не представляется возможным.

3.4. Из всех новоиндийских языков самым кратким и невыразительным списком представлен в «Словаре» сингальский. 4 слова из 12, значащихся под рубрикой «по-сингальски», – сравнительно поздние заимствования из санскрита, относящиеся к общеиндийской культурной лексике: Девйо «Бог» (~ сн. devayā), Путре «сын» (~ сн. putrayā), Саґудери «сестра» (сн. sahodari), Буми «земля» (сн. bhūmīyā). Остальные – либо слова собственно сингальские, восходящие к так называемому «сингальскому пракриту», либо – заимствования из дравидийских и иных источников:

Аґаза «небо» (~ сн. ahas, ākāsa); Ира «солнце» (сн. (h)ira); Ганда «месяц» (сн. haṇḍa, saṇḍa); Минаґа «человек» (сн. minisa, minīha); Аппа «отец» (сн. appā); Олува «человек» (сн. oluva); Пае «нога» (сн. paṇa, pa).

Все эти глоссы были взяты, по-видимому, из каких-то «путешественных описаний».

3.5. Список слов на языке, значащемся в «реестре» «Словаря» как «самшкрутанский», подвергался критике уже в первых рецензиях зарубежных ученых⁵⁰ С. К. Булич, подробно анализируя этот список в своем

очерке, отмечает, что санскритские слова представлены в нем «совсем неверно и с большими пробелами»⁵¹

Список действительно поражает скудостью своего состава. В нем странным образом отсутствуют слова, встречающиеся практически в любом санскритском тексте и, следовательно, знакомые каждому, изучавшему санскрит. (В «Словаре» нет, например, таких слов, как «брат», «жена», «человек», «море», «гора», «огонь», «день», «ночь», «слово», «любовь» и даже что уж совсем странно – «корова» и «бык».) Рецензенты вполне справедливо указывали также на многочисленные ошибки в переводе и подборе слов для списка.

Несостоятельность списка объясняется, по-видимому, тем, что составителям «Словаря» осталась недоступны даже те весьма немногочисленные европейские источники, в которых содержались какие-то сведения о древнеиндийском языке (в частности, – сочинения португальских и голландских миссионеров, труды А. Кирхера и Р де Нобили и др.). Им пришлось – прямо или через посредников – обратиться к помощи информанта, который явно не справился со своей задачей.

О том, что же это был за информант, можно в какой-то мере судить по характеру ошибок, встречающихся в списке. Ошибки эти свидетельствуют о том, что «самшкрутанские» слова были сообщены неким индийцем, который когда-то изучал или начинал учить санскрит у «туземных» учителей⁵², но получил эти знания (или сохранил их) в очень ограниченных пределах. Именно поэтому информант беззастенчиво меняет санскритские слова на новоиндийские (ср., напр., Питага «отец» ~ новоинд. *pitāṅ*); Багань «сестра» ~ новоинд. *bahin*) или – столь же беззастенчиво – упрощает санскритскую грамматику, изменяя, например, имена деятеля на -ag по правилам тематического склонения *deva-* (Питага «отец» ~ «санскр.» *pitāh*, вм. *pitā*)⁵³.

При этом некоторые грамматические «ошибки» информанта (и некоторые особенности его произношения) позволяют – хотя бы предположительно – судить о том, на каком индийском языке (или языках) говорил цитируемый в «Словаре» «самшкрутанец». С. К. Булич⁵⁴ отмечает, что в «Словаре» многие имена мужского рода приводятся почему-то в форме винительного, а не именительного падежа. Действительно, мы встречаем в «самшкрутанском» списке, напр. Карнамъ «ухо» (~ санскр. *karnam*), Нетрамъ «глаз» (~ *netram*), Шванамъ «собака» (~ *śvanam*), Варāгамъ «свинья» (~ *varāham*), Ашувамъ «лошадь» (~ *aśvam*), Мариāламъ «кот» (~ *marjaram*) и т. д. Все эти имена в санскритской грамматике относятся к мужскому роду и в номинативе имеют форму *karnaḥ*, *netraḥ*, *śvā* и т. п.

Нам, однако, кажется, что дело здесь не в простой путанице падежей, а в том, что все эти имена – по своему значению названия либо неодушевленных предметов («глаз», «нога»), либо животных – воспринимались информантом как имена среднего рода и переводились, соответственно, в форме N. Sg. n. Такая классификация имен по категории рода могла быть свойственна в Индии прежде всего носителю одного из дравидийских языков, где к «мужскому» роду относятся лишь наименования взрослых мужчин, а также в какой-то мере – носителю маратхи, где средний род объединяет названия неодушевленных предметов, детеньшей животных и т. д.⁵⁵ Если учесть к тому же, что в «самшкрутанских» глоссах Дзаламь «вода» и Адзамь «баран» (~ санскр. а́ја «козел») аффрикат -j- передается как -дз-, то есть трактуется как звонкий дентальный, предположение о том, что информант о «самшкрутанском» языке мог быть носителем каннада, телугу или маратхи, становится вполне вероятным. Именно в трех этих языках Декана отмечается противопоставление двух вариантов аффрикат – однофокусного дентального [ts, dz] и двухфокусного палатального [ç, j]⁵⁶.

Может быть, информация о «балабандском» и «самшкрутанском» была получена из одного и того же источника?

3.6. О представленных в «Словаре» глоссариях дравидийских языков нам уже случалось говорить вкратце в одной из наших прежних работ⁵⁷.

В отличие от НИА языков, дравидийский материал представлен в «Словаре» с достаточной степенью адекватности и в дополнительной идентификации не нуждается. Источники его пока не установлены. Скорее всего, ими служили различного рода «полевые записи», сделанные на месте европейскими путешественниками, миссионерами или чиновниками колониальной администрации.

Об этом свидетельствует, в частности, наличие в «Словаре» целого ряда слов, характерных для разговорного (а не литературного) тамильского языка, а также – диалектных форм в списке слов каннада и телугу. См., например, «тамульск.» Пани «свинья» (~ там. paṇṇi; ср. лит. paṇṇi); «тамульские» числительные Онну «один», Ренду «два», Муну «три», Анчу «пять» (~ там. oṇṇu, reṇṇu, muṇṇu, ancu; ср. лит. oḡṇu, iḡaṇṇu, muḡṇṇu, aiṇṇu); «канарск.» Ганди «свинья» (~ кан. диал. handi; ср. лит. paṇṇi); «варугжск.» Тоньмиди «девять» (~ тел. диал. tonmidi; ср. лит. tommidi); «тамульск.» Эрку «рот» (~ там. *eṛ(a)kku; ср. мал. iṛakkuka «проглатывать»; кодагу eṛaṅg «глотать»).

Благодаря тщательно сделанным «полевым записям» в дравидийских глоссах «Словаря» – несмотря на несовершенство транскрипции, – иногда фиксируются такие особенности фонетики и фонологии южно-

дравидийских языков, которые не отражаются в силлабическом письме Южной Индии и могут быть восприняты только на слух. В «Словаре» отмечено, в частности, характерное для тамильского и телугу наличие нескольких вариантов произношения дравидийского с- – ср., например, «тамульск.» Сандринь «месяц» (~ там. *sanṭiṅam*); Чурień «солнце» (~ там. *sūṅiyāṅ*); Поншади «жена» (~ там. *percāṭi*); «варужск.» Суриаду «солнце» (~ тел. *suryuḍu*); Ссй «рука» (~ тел. *sēyi, cēyi*); Шевулу «ухо» (~ тел. *śevulu, cevulu* «уши»). Фиксируются и такие явления, как переднее произношение безударного тамильского -а-: «тамульск.» Манушень «человек» (~ там. *maṇuṣāṅ*); Магэль «дочь» (~ там. *maḱal*); характерное для тамильского и малайлам противопоставление глухих (напряженных) и звонких (ненапряженных) смьчных в интервокальной позиции: «тамульск.» Магень «сын» (~ там. *maḱaṅ*); Буфей «дым» (~ там. *puḱai*); Мука «нос» (~ там. *mūḱku*); «тамульск.», «малабар.» Наку «язык» (~ там., мал. *nāḱku*); Каду «ух» (~ там., мал. *kāṭu*); «тамульск.» Кудерей «лошадь» (~ там. *kuḱirai*) – ср. «тамульск.» Патту «десять»; альтернации гласных переднего и заднего ряда перед ретрофлексными и альвеолярными: «тамульск.» Понбуллей «дева» (~ там. *perṇuḷḷai*); Поттана «скоро» (ср. мал. *pattannu* «неожиданно, внезапно»; там. *poṭṭa* «внезапно»); Вуду «дом» (~ там. *vūṭu*); Бира «голубь» (~ там. *piṅā*; ср. мал. *piḱavu*); Бишу «червь» (~ там. *piṅu*; ср. конда *piḱ* «улитка») и т. д.

3.7. Отмечаемые в «Словаре» особенности транскрипции дравидийских слов (и – может быть, в меньшей степени – других языков Индии) наводят на мысль о том, что при подготовке «Словаря» роль его составителей не ограничивалась (как это было принято считать раньше) механической перепиской присланных из-за границы материалов. Есть основания считать, что в процессе подготовки списки индийских слов (по крайней мере – некоторые из них) были проверены «на слух» с информантами, носителями языков.

Иначе очень трудно объяснить, почему, например, южнодравидийское палатальное п и альвеолярное п регулярно передаются в «Словаре» русским диграфом нь, воспроизводящим действительно «похожее» палатализованное [н']. См., к примеру: «малабарск.» Ньянь «я» (~ мал. *ñāṅ*); Ньянгель, Ньянгать «мы» (~ мал. *ñāṅṅa* «мы (инкл.)»); «тамульск.» Нань «я» (~ там. *ñāṅ*); Авень «он» (~ авад); Сандринь «месяц»; «малабарск.» Тань «вы» (~ мал. *ñāṅ* «сам»; ср. *ñāṅṅa* «сами; вы (почтит.)»). Характерно также появление в «Словаре» таких дублетов, как «малабарск.» Ньянгать, Ньянгель «мы», Нингать, Нингаль «вы» (~ мал. *ñāṅṅa*), в которых ди-

Ге
Пи

графы -ль и -ть используются для передачи ретрофлексного -l. Все эти особенности транскрипции едва ли могут быть возведены к какому-либо источнику, написанному лагинницей – хотя бы потому, что в европейских (романских и германских) языках «твердые» и «мягкие» согласные на фонемном уровне не различаются и противопоставления типа p:l.p: p:l или l:l должны были бы вызвать у слушателя-европейца совсем иные звуковые ассоциации.

Аналогичные следы непосредственного восприятия «на слух» можно усмотреть в транскрипции таких слов, как «бенгальск.» Крань «луч» (~ х. kirap, kirid) или Фаатъ «лист» (~ б. pāt, paṭi «лист, письмо»; х. pāṭi, paṭi); «деканск.» Агъ «огонь» (х. диал. āgī; ст. м. āgī; ст. гудж. āgi) или Суарь «свинья». Можно указать также на довольно характерные колебания в передаче санскр. -m (анусвары), обозначающего, как известно, «лишенный смычки носовой призвук»⁵⁸. В словах «самшкрутанского» списка: анусвара здесь иногда передается как -мь (в таких словах, как Нетрамь, Назикамь «нос» и др.), но чаще – через диграф -мь (Дзаламь, Ашувамь, Грагамь «дом» и др.).

Выяснить, насколько справедливы эти предположения, мы сможем только тогда, когда, во-первых, будет проведен лингвистический анализ всех индийских глоссариев; во-вторых, когда мы будем более детально знать, как проходила работа над «Словарем», кто и в какой мере участвовал в обработке словарных данных, относящихся к языкам Южной Азии (до сих пор известны имена только двоих сотрудников П. С. Палласа – Г. Л. Хр. Бакмейстера и И. Г. Арндта). Знать же все это мы будем только после того, как будут изучены рукописные материалы из коллекций Палласа, Ф. П. Аделунга и А. М. Шёгрена, более двухсот лет хранящиеся в Публичной библиотеке и Архиве РАН.

4. Мы часто, по поводу и без повода, повторяем: «Habent sua fata libelli» – «У книг своя судьба»... Судьба «Словаря» оказалась на редкость незадачливой – и не только из-за ущербности его научной методологии, о которой шла речь выше. Скорее даже – оттого, что «Словарь» Палласа был в то же самое время «Словарем Екатерины II». Задуманный как государственный проект, он претерпел участь многих российских проектов крупного масштаба: блестящий старт, потом – «некая загогулина» и наконец – вечный покой забвения на архивной полке.

То ли в силу изменившихся обстоятельств (едва ли нужно напоминать о различных событиях, произошедших в России и в мире в 1788–1791 гг.), то ли просто охладев к лингвистическим проблемам так же внезапно, как она прежде увлеклась ими, – Екатерина после выхода «Словаря» явно теряет к нему интерес. Так или иначе, второе издание (под редакцией

Ф. И. Янковича де Мириево) по повелению государыни не было выпущено в продажу и долгие годы хранилось на складах. (В первом издании «Словарь» был отпечатан ограниченным тиражом и предназначался лишь для библиотек и «для служебного пользования».) В результате «Словарь», получив некоторую известность в мировой науке, остался совершенно неизвестен русскому обществу. Ни одного отзыва о нем не появилось в русских журналах. Можно с уверенностью сказать, что в те годы о «Словаре» не знали толком даже самые образованные и эрудированные представители тогдашней интеллигенции – ни Новиков, ни Карамзин, ни Державин, ни всю жизнь мучившийся над филологическими загадками А. С. Шишков. Когда же наконец «Словарь» Янковича появился в книжных лавках – это случилось только в 1813 (!) году, – было уже поздно. За прошедшие с момента выхода книги два десятилетия коренным образом изменилась не только парадигма лингвистической науки, но и парадигма общественного сознания в целом, как в Европе, так и в России. Все относящееся к екатерининской эпохе казалось тогда далеким прошлым. «Словарь» просто остался незамеченным, как незамеченным осталось обращение Ф. П. Аделунга к Александру I с просьбой переиздать труд П. С. Палласа в расширенном и дополненном варианте³⁹ У Александра в 1815–1817 гг. были совсем другие интересы. У русского общества – тоже.

В нашей статье мы стремились показать, как много ценной информации – информации, относящейся и к истории отечественной науки, и к истории русско-индийских связей в конце XVIII в., и, наконец, к истории самого южноазиатского языкового ареала – можно извлечь из «Сравнительного словаря всех языков и наречий» и – несомненно – из относящихся к нему, до сих пор практически не изучавшихся архивных материалов. Нам кажется – настало время снять с незаслуженно забытого труда петербургских ученых совершенно несправедливо наложенную на него пелена лет тому назад печать неволевого забвения.

¹ Титульный лист по-латыни: *Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa; Augustissima cura collecta. Sectionis Primae linguas Europae et Asiae complexae. Pars Prior. Petropoli, Typis Johannis Carolo Schnoor. MDCCCLXXXVI.* (На русском титуле дата выхода – 1787.) Истоия создания «Словаря» и его содержание подробно рассматриваются в работе С. К. Булича (С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. Т. I. XIII век – 1825 г. СПб., 1904, стр. 220–232, 496–510). Ср. также: F. Adelung. *Catherinins der Großen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde/ St. Petersburg, 1815.* (На русском яз.: Извлечение из сочинения «Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языковедении. Б. м., б. г. [СПб., 1817].) Я. К. Грот. *Филологические занятия императрицы Екатерины II. М., 1875;*

Kommentare zur Peter Simon Pallas «Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa. Hrsg. von Harald Haarmann. Hamburg, 1975.

² См. Булич, цит. соч., стр. 226; ср. Грот, цит. соч., стр. 9–10.

³ Р. Раск. Исследования в области древнесеверного языка. Цит. по «Хрестоматии по истории языкознания XIX и XX вв.». М., 1956, стр. 38.

⁴ Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–IV. СПб. 1790–1791.

⁵ Материалам африканских языков в «Словаре» посвящена специальная монография И. Фодора (J. Fodor. Pallas und andere afrikaniache Vokabularien vor dem 19. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorschungsgeschichte. Hamburg, 1975.

⁶ Булич. Цит. соч., стр. 222–223; ср. Грот. Цит. соч., стр. 5. Свое «Обращение» с несколько измененной программой, – Бакмейстер повторил затем в 1784 г.

⁷ Булич. Цит. соч., стр. 224–225.

⁸ «Извлечение...», стр. 10–13; ср. Грот. Цит. соч., стр. 2, 9; Булич. Цит. соч., стр. 224.

⁹ Грот. Цит. соч., стр. 3–4; ср. Булич. Цит. соч., стр. 224.

¹⁰ Грот. Цит. соч., стр. 6.

¹¹ Л.-Ф. Сегюр. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. – Россия XVIII в. глазами иностранцев. Лениздат. 1989, стр. 323.

¹² Детальный анализ «идейного замысла» путешествия Екатерины дается в работе А. М. Панченко (А. М. Панченко. «Потемкинские деревни» как культурный миф. – XVIII век. Сб. 14. Л., «Наука», 1989, стр.

¹³ Грот. Цит. соч., стр. 11.

¹⁴ Особо следует отметить отзывы французского ориенталиста К. Вольнея и «патриарха славяноведения» И. Добровского. См. Булич. Цит. соч., стр. 228–230.

¹⁵ Созданная авторами «Словаря» на русской основе «практическая транскрипция» была, в сущности, ничем не хуже латинской «транскрипции», использовавшейся в работах европейских ученых. Научное исследование звуковой стороны языка с лингвистической точки зрения началось, как известно, лишь во второй половине XIX в.

¹⁶ Булич. Цит. соч., стр. 231.

¹⁷ Булич. Цит. соч., стр. 503.

¹⁸ Ср. отзывы иностранных участников «путешествия по Тавриде» о строительстве Херсона, Черноморском флоте и т. д. (См. А. М. Панченко. «Потемкинские деревни...», стр. 96–98). Даже искренне восхищавшийся Екатериной граф Сегюр признавался, что «многие ее предначертания были более смелы нежели обдуманы». (Сегюр. Цит. соч., стр. 434).

¹⁹ См. M. Fogarsi. Das ungarische Wortmaterial des Vokabularium von Pallas. – Magyar Nyelv. Bd. 52 (1956). P. Hujdo. Über die ungarischen Quellen des Vokabularium von Pallas. – Magyar Nyelv. Bd. 53 (1957).

²⁰ См. А. П. Дульзон. Словарные материалы по кетским наречиям. – Ученые записки Томского ГПИ. Т. XIX, вып. 2. Томск, 1961; В. Н. Топоров.

Из этимологии енисейских языков. – «Этимология 1965». М., «Наука», 1967.

²¹ Общая характеристика индийских материалов «Словаря» дана С. К. Буличем (Булич. Цит. соч., стр. 499–504).

²² В списке языков составители «Словаря» непосредственно перед языками Индии помещают цыганский, причем – не случайно. В «Предисловии» говорится: «Поелику оне [цыганские слова, – Н. Г.] великое и ощутительное имеют сходство с Индейским языком, то и поставлены перед оным». Под номерами 170 и 171 за «индостанским в Декане» следуют «старо-персидский» и «пеелский» («пехлевиийский»?) языки. Трудно сказать, почему они занимают такую позицию (другие иранские языки, – персидский, афганский, курдский и пр., – располагаются под номерами 76–80). Возможно это объясняется тем, что в роли информантов выступали «парсы», заявлявшие себя выходцами из Индии. Еще труднее объяснить, почему между сингальским и «канарским» (канада) помещен под номером 175 корейский язык. Характерно, однако, что много лет спустя, в конце XIX – начале XX вв., некоторые ученые пытались генетически связать корейский с дравидийскими языками (см. K. Zvevibel. *Comparative Dravidium Phonology*. The Hague. Mouton. 1970. P. 21).

²³ Из «малабарских» слов мы учитываем только те, которые действительно могут быть отнесены к языку малаялам. Помимо них, под рубрикой «по-малабарски» в «Словаре» приводится еще около двух десятков слов, явно принадлежащих какой-то разновидности «индостанского» (например, «спина» – Пите, «сердце» – Диль, «молоко» – Дудь и др.).

²⁴ С. К. Булич. Цит. соч., стр. 503–504.

²⁵ Исключение составляет словарь Дж. Фергюсона (J. Fergusson. *A Dictionary of Hindustan Language*. L., 1773), малоизвестный за пределами Англии.

²⁶ История Индии в средние века. М., 1968, стр. 415–416; P. M. Kemp. *Bharat Rnc. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Mediaeval Times to the October Revolution*. Delhi, 1958, pp. 87–89.

²⁷ P. M. Kemp. *Op. cit.*, p. 104.

²⁸ Термин «лахнда» был введен Дж. А. Грирсоном (*Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. I. Calcutta, 1910), доказывавшим, что все диалекты и говоры Западного Панджаба следует рассматривать как разновидности одного языка – лахнда, или ленди. Точка зрения Грирсона была оспорена в работах К. Шэкла, по мнению которого, западнопанджабские диалекты относятся по крайней мере к трем самостоятельным языкам – потхохири, хиндко и сирайки. Мутани в классификации Шэкла считается одним из диалектов последнего (С. Shackle. *The Siraiki Language of Central Pakistan*. L., 1976). Сводку данных по этому вопросу см.: Г. А. Зограф. *Языки Южной Азии*. М., 1990, стр. 49–51.

²⁹ При сопоставлении данных НИА языков с данными «Словаря» Палласа мы использовали (помимо двуязычных словарей) сравнительный словарь Р. Л. Тэрнера (R. L. Turner. *A Comparative Dictionary of the Indo-*

Aryan Languages. L., 1962–1966). Принятые сокращения названий языков: ас. – ассамский, б. – бенгальский, г. – гуджарати, кан. – каннада, кон. – конкани, л. – «лахнда» (мулт – мултанский, шахп. – шахпурский, аван. – аванкари и др.), м. – маратхи, мал. – малаялам, неп. – непальский, ор. – ория, пандж. – панджаби, с. – синдхи, там. – тамильский, тел. – телугу.

³⁰ Ю. А. Смирнов. Язык ленди. М., «Наука», 1970, стр. 55; ср. Г. А. Зограф. Языки Южной Азии. М., «Наука», 1990, стр. 49–50.

³¹ Смирнов. Цит. соч., стр. 102.

³² Смирнов. Цит. соч., стр. 91–92; ср. Г. А. Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., «Наука», 1976, стр. 159, 177–180.

³³ Р. П. Егорова. Язык синдхи. М., «Наука», 1966, стр. 43–44.

³⁴ О диалектном составе сирайки см.: Зограф. Языки..., стр. 50.

³⁵ S. K. Chatterji. Indo-Aryan and Hindi. Calcutta, 1960; русск. пер.: С. К. Чаттерджи. Введение в индоарийское языкознание. М., ГВЛ, 1977, стр. 169, 202.

³⁶ Чаттерджи. Цит. соч., стр. 176–177; Г. А. Зограф. Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв. М., ИВЛ, стр. 10 сл.

³⁷ Чаттерджи. Цит. соч., стр. 208, ср. стр. 162–163.

³⁸ J. J. Ketelaar. De lingua Hindustanica. – Davidis Millii, Dissertationis selectae Lugdunis Batavorum. 1743; J. Hadley. A Compendious Grammar of the Current Corrupt Dialect of Jargon of Hindostan (commonly called Moors), ... For the Use of the Bengal and Bombay Establishments. L., 1772; J. Fergusson. A Dictionary of the Hindostan Language. L., 1773; H. Lebedeff. A Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogues at Fixed, Spoken in All Eastern Countries. Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System of the Shamskrit Language. L., 1801

³⁹ U. Weinreich. Functional Aspects of Indian Bilingualism. – «Word», v. 13, № 2, 1975. В более общем плане эта проблема рассматривается в монографии У. Вайнрайх «Языковые контакты» (русск. пер. – У. Вайнрайх. Языковые контакты. Киев, 1979, стр. 31 сл.).

⁴⁰ Чаттерджи. Цит. соч., стр. 176–177.

⁴¹ Зограф. Хиндустани..., стр. 7–8, 10–13.

⁴² О грамматике Г. С. Лебедева см.: S. K. Chatterji. Calcutta Hindustani. A Study of a Jargon Dialect. – IL, v. 1, pt. 2–3. Lahore, 1931; Г. А. Зограф. Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г. С. Лебедева. – КСИИАН, вып. 61 М., 1963.

⁴³ Такая транскрипция встречается в грамматике Дж. Хэдли. См.: Зограф. Хиндустани..., стр. 10.

⁴⁴ Б. И. Кузнецов. Глагольные имена маратхи. М., «Наука», 1978, стр. 49–50.

⁴⁵ Возможность «перенесения» связанных морфем из языка в язык подробно рассматривается в монографии У. Вайнрайха (У. Вайнрайх. Теория контактов..., стр. 63 сл.).

⁴⁶ О типичности таких явлений для языков, подвергающихся процессу грамматической интерференции, свидетельствуют примеры, приводимые

У. Вайнрайхом. В «американском португальском» (языке португальцев, живущих в США) встречаются абсолютно аналогичные конструкции – такие, как *fazer o bodu* «беспокоить» (< порт. *fazer* «делать» + англ. *bother*) или даже *fazer o findout*. См.: Вайнрайх. Языковые контакты..., стр. 69.

⁴⁷ Ср. список слов, приведенный в работе Г. А. Зографа (Зограф. Хиндустани..., стр. 101 сл.).

⁴⁸ Название «балабандский», возможно, как-то связано с м. *balabodha* «название письма деванагари» или *balabhasa* «искаженный санскрит, санскрит, низведенный до стадии анабхрамта» (см. Va. lo. Apte (ed.) *Marathi saddaratnakara*. 5th ed. Pune, 1968. За указание на этот источник мы выражаем искреннюю признательность Н. Г. Краснодембской). Ср. также х. *balabandha* «искусный, умелый».

⁴⁹ Подобные явления, связанные с дезаспиризацией начальных звонких и изменением тона следующего за ними гласного характерна для панджаби и некоторых соседствующих с ним языков и диалектов.

⁵⁰ На недостатки списка указывал, в частности, венский профессор К. Альтер в специальной брошюре «*Über die Samskritische Sprache vulgo Samskrit*» (Wien, 1799). См.: Булич. Цит. соч., стр. 228.

⁵¹ Булич. Цит. соч., стр. 499.

⁵² На это указывает, например, четко зафиксированное в «Словаре» произношение финального -h (висарги) с вокальным призвуком, «сингармоничным» предшествующему гласному: Аркага «солнце» (~ санскр. *arkah*), Индугу «месяц» (~ санскр. *induh*), Сирага «голова» (санскр. *simh* < *siras*-).

⁵³ Аналогичные процессы, как известно, происходят в Индии повсеместно при переходе от древнеиндийского к среднеиндийским языкам. См., напр., Т. У. Elizarenkova, V. N. Toporov. *The Pali Language*. Moscow, 1976, pp. 76; В. В. Вертоградова. Праkritы. М., 1978, стр. 56 сл.

⁵⁴ Булич. Цит. соч., стр. 500.

⁵⁵ Т. Е. Катенина. Очерк грамматики языка маратхи. М., Или, 1963, стр. 34.

⁵⁶ В этих языках, кстати, санскритский гласный г произносится как [ɣ] – в отличие от североинд. [rɪ].

⁵⁷ Н. В. Гуров. Дравидийские глоссы в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» (1786–1791). – *Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета*. 11–18 декабря 1972 г. Л., 1972, стр. 19–22.

⁵⁸ А. А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита. – В. А. Кочергина. *Санскритско-русский словарь*. М., 1978, стр. 789.

⁵⁹ «Извлечение...», стр. 14; ср.: F. Adeling. *Catherinens der Grossen Verdienste...*